

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

6 (250)
июнь 2019

ПРЕДАНИЕ

ТЕМА

стр. 5

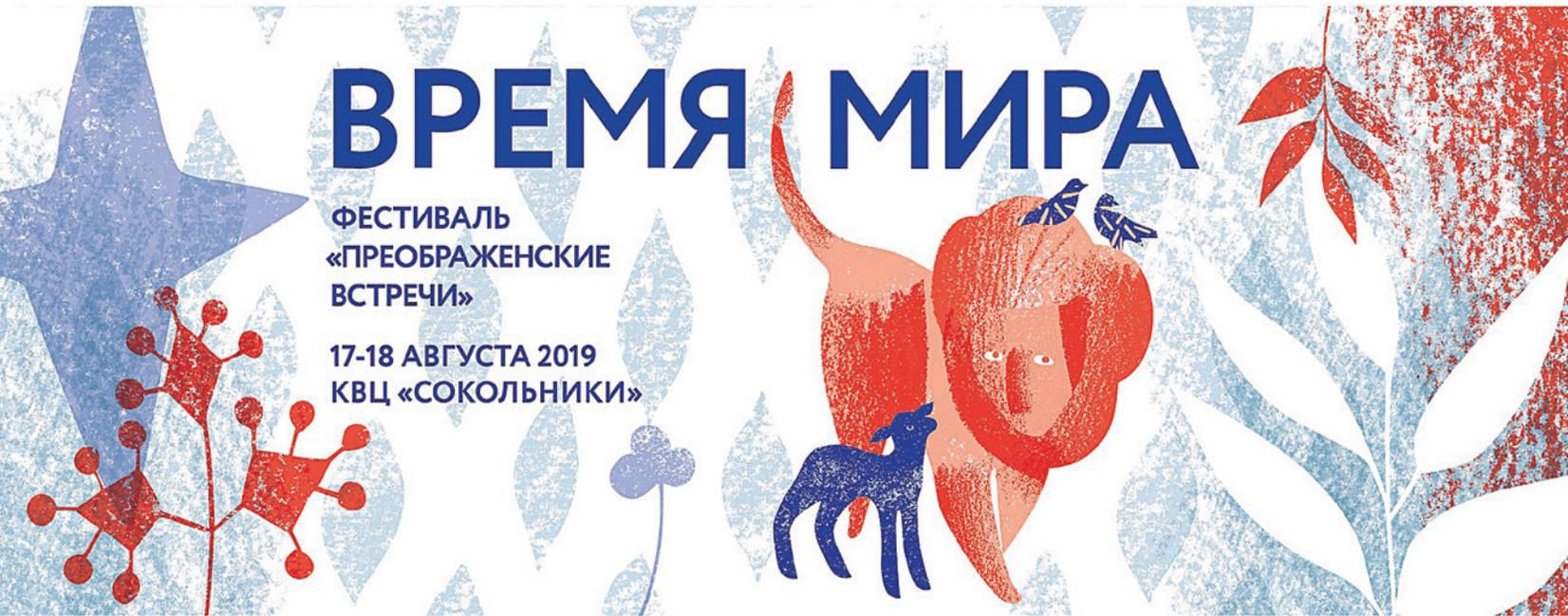
О СТРАДАНИИ, ИЗБРАНИИ
И ПОИСКЕ ВЕРЫ
стр. 13

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
ЕЩЁ НЕ НАПИСАНА
стр. 18

ПОДЕЛИТЬСЯ РАДОСТЬЮ
ВОСКРЕСЕНИЯ С ТЕМИ,
КТО НА ПОРОГЕ СМЕРТИ
стр. 31

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

ВРЕМЯ МИРА

ФЕСТИВАЛЬ
«ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ
ВСТРЕЧИ»

17-18 АВГУСТА 2019
КВЦ «СОКОЛЬНИКИ»

ЕЖЕГОДНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ»

это два дня свободного общения о самом важном, возможность увидеть, чем живет церковь, встретиться с людьми разных профессий, возрастов, социального положения и уровня образования, поделиться своим вдохновением с теми, кто ищет полноты христианской и церковной жизни

Зачем мы это делаем?

Потому что российское общество не только имеет право, но и обязано знать, что помимо примитивного первобытного инстинкта выживания по принципу «человек человеку – волк» есть и иные законы жизни, что и в наших довольно трудных условиях, несмотря ни на что, можно жить достойно, по-христиански.

Что значит «Время мира»?

Время мира – это время строить наше будущее. Искать то духовное измерение Мира, без которого невозможно любое человеческое миротворчество. Объединять тех, кто любит мир, а не войну, кто ищет друзей, а не врагов, кто интересуется жизнью, а не политикой, кто имеет опыт подлинного примирения в церкви и обществе.

Кто будет гостями Фестиваля?

Все желающие. Прошлый православный фестиваль «Преображенские встречи» собрал около 3000 участников из России, Италии, Франции, Швейцарии, Румынии и других стран. В этом году гостей фестиваля будет еще больше.

Контакты

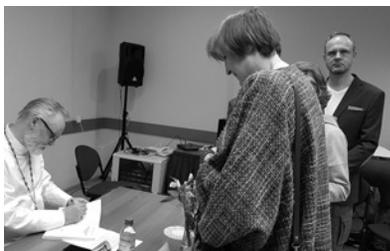
По вопросам участия в наших мероприятиях обращайтесь:
Екатерина Алексеева / Тел.: +7 965 359-59-47 / E-mail: sretenye@sfi.ru

Содержание

ИЮНЬ 2019

~ Новость номера

В Москве прошла презентация новой редакции Катехизиса «В начале было слово» | 2

~ Событие

Соборный разговор | 3

Этика после ГУЛАГа | 9

~ Открытая встреча

О страдании, избрании и поиске веры | 13

~ Тема номера

Живое предание не прекращается в Церкви | 5

«Понимание того, что Господь присутствует среди них, не позволило им разъединиться» | 6

~ Русские беседы

Русская история ещё не написана | 18

~ Живое предание

Братский помянник | 24

~ Интервью

Если постоянно менять ориентиры, нравственное сознание может просто заблудиться | 25

Когда люди захотят, они во всём разберутся | 29

~ Письма читателей

Поделиться радостью Воскресения с теми, кто на пороге смерти | 31

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 24 мая 2019 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 3 июня 2019 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издаётся с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11 (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Старшее и младшее поколение духовенства Ташкентской епархии. В центре архимандрит Борис (Холчев), справа от него – дьякон Павел Адельгейм. 1959 г.

На четвёртой странице обложки: Умножение хлебов. Италия, Равенна. VI в.

Нам иногда кажется, что церковное предание – это то, что относится только к очень, очень давним временам. Или наоборот: к каким-то

совсем недавно про- никшим в церковную жизнь извне и совсем нецерковным обычаям – порою смешным, сравнительно безобидным, порою достаточно разрушительным.

Но иногда сквозь этот туман удается увидеть свет истинного Предания – того духа, который связан с жизнью Церкви от отцов первых веков до исповедников церкви Русской. **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ъ Н О М Е Р А

В Москве прошла презентация новой редакции Катехизиса «В начале было Слово»

Книгу представили автор, ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков, руководитель издательства Кирилл Мозгов и руководитель Научно-методического центра СФИ по миссии и катехизации Владимир Якунцев

Александра Колымагина. Фото: Анна Данилевич

Лучшим рассказом о том, что такое «Катехизис для просвещаемых», стали свидетельства новопросвещённых, недавно закончивших оглашение

На презентацию нового издания собралось около 100 человек – священнослужители и миряне, катехизаторы и новопросвещённые, журналисты и просто заинтересованные слушатели.

Встреча началась с подробного рассказа об истории самого жанра катехизиса начиная с огласительных проповедей IV в., с таких авторов, как свт. Иоанн Златоуст, свт. Кирилл Иерусалимский, Климент Александрийский и свт. Амвросий Медио-

ланский. Со временем, как оказалось, возникли 2 принципиально разных жанра: литература, помогающая просвещаемым, готовящимся к вступлению в Церковь, и сборники, максимально полно излагающие догматическое учение. Беда в том, что очень часто эти жанры путали и путают, а они принципиально не взаимозаменяемы.

Священник Георгий Кочетков рассказал об истории уже самого представленного издания, постепенно возникавшего из живых бесед, ведущихся уже почти полвека. Ещё до начала общего обсуждения зал начал участвовать в происходящем. А.М. Копировский, с которого в 1971 году и началось оглашение взрослых, вспомнил, как на одной из огласительных встреч, проходивших в конце 1970-х на квартире у о. Аркадия Шатова (ныне еп. Пантелеимона), одна из оглашаемых сказала о 1-й беседе Катехизиса («Бог и мир. Сотворение мира»): «Словам тесно, а мыслям просторно». А один из ведущих, катехизатор Сергей Бурлака, припомнил отклик одного из священников во время обсуждения разных катехизисов: «В

катехизисе о. Георгия Кочеткова я слышу заинтересованное обращение к человеку»...

Но самое интересное началось, когда об опыте использования катехизиса начали с благодарностью рассказывать священнослужители и новопросвещённые. Во время этого разговора все вновь и вновь возвращались к уникальности и личности того, что происходит с человеком на пути к Богу и в Церковь. Поэтому новое издание никогда (кроме редких исключений, лишь подтверждающих правило) не будет работать «автоматически». Оно призвано направлять современного катехизатора и давать ему возможность разговаривать с людьми XXI века на понятном для них языке.

После презентации выстроилась очередь желающих получить авторский автограф

Соборный разговор

В Культурно-просветительском центре Преображенского братства прошла очередная экклезиологическая конференция

Анастасия Наконечная. Фото: Александра Строчева, Анастасия Наконечная, Александр Копеев

Ректор Свято-Филаретовского института профессор священник Георгий Кочетков, первый проректор СФИ Дмитрий Гасак, протоиерей Джон Эриксон, Наталья Кольцова

В этот раз она была посвящена теме служения и устройства церкви. Среди представителей 6 стран и 18 городов был почётный профессор Свято-Владимирской семинарии протоиерей Джон Эриксон (Православная церковь Америки), архиепископ Пауло Пецци (Римская католическая церковь), секретарь Синодальной библейско-богословской комиссии РПЦ, руководитель Центра изучения современных проблем православной экклезиологии при Общецерковной аспирантуре и докторантуре Андрей Владимирович Шишков, более 10 священнослужителей из разных епархий Русской православной церкви. Все участники конференции не просто внимали докладам, а активно дискутировали во время всех заседаний и встреч.

Традиционно конференция состояла не только из научных дебатов. Многим запомнился творческий вечер «Где двое или трое...», во время которого гости пели, читали стихи, а также наконец-то обнаружили на иконе XII века знаменитого нарнийского кентавра.

В кулуарах, за кофе или за обедом можно было услышать горячие споры о возможности

подлинной свободы в православной общине или братстве, о сравнении соборов 1905 года в Риге и Великого московского собора 1917–1918 гг., а также, например, обсуждение вышедшего именно в эти дни неожиданного поста пресс-секретаря патриарха прот. Александра Волкова в фейсбуке. И неудивительно: он описал недавнюю литургию для детей, которая проходила на церковнорусском языке по переводам о. Георгия Кочеткова. Кто-то воспринимал это как совпадение с недавно произошедшей литургией в Твери, кто-то – как сигнал свыше о том, что всё, можно наконец служить на понятном языке, а кто-то уже начинал переживать, не станет ли русский язык богослужения обязательным и спущенным сверху.

В целом конференция, как это обычно бывает на подобных форумах СФИ, вдохновляла свободой мысли и духа, готовностью участников открыто обсуждать самые острые вопросы, мирным духом, о котором мы вспоминали и в связи с Неделями Жён мироносиц, и во время докладов. Не случайно ректор СФИ, закрывая конференцию, невольно оговорился и назвал её собором.

Конференция, как всегда, включала в себя живое общение в кулуарах, а «Кифа» набрала множество интервью, с которыми читатели смогут познакомиться в следующих номерах

Я попросила нескольких участников конференции поделиться своими впечатлениями и рассказать, чем для них важна тема конференции.

Протоиерей Джон Эриксон, почётный профессор Свято-Владимирской семинарии (Православная церковь в Америке): Я особо ценю ту радость, которую я здесь нашел и испытал, всех людей, принявших участие в обсуждениях, будь то молодые люди, помогающие в обслуживании столов, или выступающие, или те, что приехали из разных мест России, и я отдаю должное всем докладам и обсуждениям. Я почувствовал себя как дома настолько явно, что не испытывал неудобства от того, что люди говорили по-русски, а я по-английски.

Я очень благодарен за приглашение. Да будет Господь с вами и в ваших трудах.

Сергей Иосифович Шатравский, проректор по научной работе Инсти-

тута теологии Белорусского государственного университета, доцент кафедры апологетики Минской духовной академии:

На этой конференции (как я вчера узнал, она ежегодная) я впервые. Хотя с деятельностью Свято-Филаретовского института уже знаком: я сам бывал на семинарах по социологии религии, а своих студентов посылал на Сретенские чтения.

Погрузившись за эти дни в экклезиологическую тематику, я почувствовал себя лет на 25 помолодевшим. В 1995 году я начал свою учебу на Богословском факультете Европейского гуманитарного университета и первые года три действительно жил этим. Тогда только начинала появляться богословская литература. Помню, я ездил в Москву, купил книгу В.Н. Лосского – «Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие», которая потом у меня вся развалилась (издание было дешёвое, в жёлтой бумажной обложке), и я её сам сшил. Мне очень нравился этот предмет.

Но потом так уж получилось, что у нас появилась кафедра религиоведения, я стал заниматься именно этими темами, и проблематика экклезиологии появлялась в моей жизни достаточно редко. Да, я работаю в Духовной академии, и, конечно же, иногда какие-то подобные проблемы мы с коллегами обсуждаем. Но обычно это разговор на 5–10 минут, а дальше я опять в проблемах буддизма, ислама и т. д., либо в организационной работе.

А здесь произошло интенсивное погружение в те вещи, которые когда-то были для меня очень близкими. **КФ**

Живое предание не прекращается в Церкви

В храме Христа Спасителя была представлена монография «Гонимы, но не оставлены»

На экране появлялись не только архивные фотографии, но и видеозаписи встреч с последними живыми свидетелями жизни и служения исповедников веры

О книге рассказывает автор – Ольга Владиславовна Борисова

Готовясь днём, в будни в одной из боковых галерей нижнего храма представлять новую книгу об исповедниках веры, организаторы презентации не ждали наплыва гостей: поставили около пятидесяти стульев, стол для президиума и проектор.

Однако ещё до начала разговора для стоявших вдоль стен слушателей пришлось снова идти за стульями и даже за лавочками из притвора. Народу собралось неожиданно много.

Сам же разговор стал не только презентацией книги, которая представляет собой плод экспедиций группы сотрудников и студентов Свято-Филаретовского института в Среднюю Азию и основана на материалах государственных, церковных и множества личных архивов. Рассказы участников экспедиций о встречах с ещё живыми свидетелями стали и размышлением о предании, и свидетельством его непрекращающейся жизни в Церкви.

О том, что говорили члены церковно-исторических экспедиций и другие участники презентации – настоятель храма Святых новомучеников и исповедников российских в Бутове протоиерей Кирилл Каледа и директор Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» Игорь Гарькавый; бывший иподиакон архиепископа Ташкентского Кирилла (Поспелова), почётный настоятель храма Зосимы и Савватия в Гольянове, митрофорный протоиерей Владимир Тимаков; племянник и крестник архимандрита Бориса (Холчева) Константин Николаевич Холчев; автор книг по истории Русской церкви в XX веке и публицист Сергей Бычков и другие – уже рассказал сайт Свято-Филаретовского института. Мы же публикуем интервью со специально приехавшим из Ташкента для участия в этом событии протоиереем Сергием Стаценко.

«Понимание того, что Господь присутствует среди них, не позволило им разъединиться»

Интервью с председателем Просветительского отдела Ташкентской и Среднеазиатской епархии, проректором Ташкентской духовной семинарии протоиереем Сергием Стаценко

Беседовала Александра Колымагина. Фото: Евгений Гурко

Мне хотелось бы задать вопрос в связи с событием, на которое мы все собрались, – презентацией сборника, посвящённого новомученикам и исповедникам, членам братств и общин, которые после тюрем и лагерей нашли приют на земле Ташкентской епархии. Сейчас выходит много книг, посвящённых памяти новомучеников. Как Вам кажется, что отличает это издание и что нам в целом важно иметь в виду, когда мы думаем о таких публикациях?

Я бы подчеркнул в первую очередь как одно из главных достоинств этого издания строгий, скрупулёзный научный подход, который дал возможность собрать массу деталей, мелких фактов, позволивших уже потом создать максимально полный портрет того или иного исторического персонажа, описываемого автором.

Второй момент, который я хотел бы выделить как особо положительный: общинность, упомянутая Вами, показана не в разрозненных деталях. Обычный литературный приём – выделить жизнь отдельного персо-

нажа и описать его внутренний мир. А здесь всё представлено в целокупных связях: не один человек, а единый церковный организм, состоящий из многих людей, – на мой взгляд, община представлена здесь именно таким образом. Конечно, есть центральные персонажи, например, отец Серафим (Суторихин); естественно, он задаёт главный тон, но и люди, которые менее заметны, всё равно выписаны достаточно ярко.

Ещё я бы хотел особым образом выделить, что автор не отрывает события, связанные с отдельными персонажами, от

Слово о Христе для них было не возможностью показать себя, а действительно частью жизни. Господь был во главе всего, и это их объединяло.

В центре жизни Ташкентской епархии в 1960-е годы стояли наследник опыта мечёвских общин архимандрит Борис (Холчев) и один из членов Александро-Невского братства архимандрит Серафим (Суторихин)

исторического контекста того времени. Ведь можно было бы абстрагироваться от того, что происходило в те десятилетия, говорить только о заслугах отдельного деятеля. Но все живые фигуры сборника вполне гармонично вписываются в эпоху со всеми её сложностями, противоречиями, проблемами, с которыми им приходилось сталкиваться. И здесь наглядно представлено, как это влияло на формирование их характеров. Ведь обычно одних людей внешние обстоятельства ломают, а других эти же обстоятельства закаляют и делают тем кремнем, из которого высекается пламя, тем камнем, на котором строится здание. Я думаю, что здание Церкви нашей во многом построено именно на этих характерах, которым сила и крепость позволили выстоять под сильнейшим натиском богоборческих властей.

Когда мы в последнее время обсуждали проблему братств, в том числе в связи с памятью этих святых, нас вдруг поразило одно обстоятельство: то, что объединяло этих людей, было выше раз-

личных церковно-политических обстоятельств, которые могли бы их разъединить. Так, например, члены Александро-Невского братства были «поминающими», а члены мечёвских общин – «непоминающими». Но тем не менее когда они все оказались в Ташкентской епархии, они жили в полноте церковного общения и этот «бэкграунд» их совсем не разделял. Как Вам кажется, каким образом они смогли оказаться глубже (или выше) этих вещей?

Я думаю, что сами по себе люди были гораздо глубже, и идеологическое разъединение на уровне того, «признаём мы как главу Церкви того, кто перешёл границу компромисса или не признаём, солидарны с ним или нет», – были не столь значимы. Я думаю, что во главе всего для этих людей стоял Христос. И понимание того, что Господь присутствует здесь, среди них, не позволило им разъединиться. Когда люди делятся по приверженности тому или иному иерарху или по каким-то иным причинам – здесь как раз Христос стоит на заднем плане. А для тех людей – Спаситель стоял впер-

еди. Слово о Христе для них было не возможностью показать себя, а действительно частью жизни.

В наше время с этим часто есть проблемы. Многие «играют в христианство» – хотят, как говорится, прославить себя или, если выразить это библейским языком, «сделать себе имя». Христос в данном случае – только приложение к их интересам. А для людей того времени Господь был во главе всего, и это их объединяло.

В этом году на секции Рождественских чтений, посвящённой увековечению памяти новомучеников и исповедников, зашёл очень интересный разговор о том, что для преодоления случившегося в минувшем столетии необходимо покаяние. И может быть, в первую очередь это должно быть покаяние церкви: ведь не случайно отец Сергей Мечёв говорил о тех страшных событиях, которые происходили в 1920–1930-е годы, – «суд Божий свершится над Церковью русской» и скорбел о том, что никто из архиереев не призывает к покаянию. Как Вам кажется,

В текущей церковной действительности возникают те же проблемы, вызванные теми же причинами, которые привели когда-то к революции.

говоря о наследии этих людей, сможем ли мы всерьёз и глубоко обратиться и к этой теме?

Покаяние терминологически может восприниматься по-разному.

Оно может быть декларацией своего сожаления о свершившемся факте греха или проступка. Но такое покаяние поверхностно и может быть проявлением элементарного лицемерия. За такое «покаяние» обличал Христос: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: “если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков”; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков» (Мф 23:29–32).

Но я думаю, покаяние может быть ещё и деятельным, и более конструктивным. Оно должно быть не просто заявлением, а изменением пути, той самой метанойей. При этом, прежде всего, важно не осуждать никого. Нам неизвестно, смогли бы мы в тех условиях быть лучше и крепче тех людей, которые не выдержали. Здесь уже важно без лишней детализации, без упора на лич-

ности в первую очередь описать совокупность ошибок, которые были допущены Церковью, в том числе её духовенством и иерархами. Может быть, нужно создать большой научный труд, использовать системный подход и сделать многое другое для того, чтобы нащупать те «грабли», на которые не стоит наступать снова. Нужно дистанцироваться от этих ошибок (это можно сделать как раз-таки на уровне заявления, что таких вещей не стоило бы делать). Почему? Потому что в текущей церковной действительности возникают те же проблемы, вызванные теми же причинами, которые привели когда-то к революции.

Например, разрыв между клиром и мирянами – то, чего как раз не было в братских общинах...

Ну, тут проблема шире... Если бы дело ограничивалось только сословностью! Хотя она есть, и, на мой взгляд, она ещё и углубляется. Я даже делал специальный доклад по этой теме когда-то, где описывал сословную изолированность духовенства от народа как одну из наших серьёзных проблем. Через эту разобщённость в конце концов между пастырем и пасомыми происходит разрыв. А ведь если пастырь ушёл далеко и овцы его

не видят – они просто разбегаются... Очень многие ошибки, которые были прежде, в том числе перед революцией, сегодня доступны для осмысления – их нужно проанализировать сейчас и осудить. Осудить прежде всего ошибки, но не людей. И сделать это лучше, на мой взгляд, на общецерковном уровне. Если соборное суждение будет принято – тогда можно будет говорить об этом не только на уровне рядового духовенства, но и на уровне иерархии: «Давайте будем избегать этих ошибок, которые были когда-то, которые ведут нас в никуда, ведут нас в тупик».

Какой ещё конструктив можно найти в сегодняшнем событии? Мы должны в первую очередь начинать с себя. Я считаю, что опыт общин Преображенского содружества малых православных братств как раз демонстрирует этот подход: люди работают, начиная с себя – мне это видно как внешнему наблюдателю. И этот опыт можно транслировать дальше. Сейчас та работа, которая ведётся по собиранию сведений о новомучениках и исповедниках Российских, как раз и является реализацией деятельного покаяния – не на уровне декларации. Дай Бог, чтобы это продолжалось и развивалось. **КСФ**

Этика после ГУЛАГа

В Санкт-Петербурге прошла конференция, посвящённая проблемам возрождения нравственности

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Александр Копейн, Константин Ушаков

Мы предлагаем читателям услышать голоса нескольких участников конференции, к которым «Кифа» обратилась с вопросом: **«В чём Вы видите конкретные проявления нарушения нравственного чувства в современном человеке, и есть ли здесь разница между поколениями 50–60, 30–40, 25–20-летних?»** Так как вопрос затрагивает проблему возраста, мы выстроили ответы в порядке старшинства.

Священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института (68 лет, Москва): Меня больше всего задевает способность очень многих, во-первых, соврать, во-вторых, украсть, а в-третьих, донести и предать. Между поколениями, конечно, есть разница.

Труднее всего старшим, потому что они жили в те времена, когда, как им казалось и внушалось, иначе жить просто было нельзя. И уж тем более невозможно было получить никаких благ, приходилось жить в конуре на 100, а то и на 70 рублей в месяц, если брать позднее советское время.

Люди тридцатилетние, сорокалетние заразились, к сожалению, потребительством, стали увлекаться тем, что не было дано прежде: иметь много вещей, много возможностей, жить в своё удовольствие, ехать куда хочешь, работать где хочешь и как хочешь и жить как хочешь и с кем хочешь, менять жён и т. п. Люди стали наслаждаться свободой, понятой очень плохо, часто свободой на зло, на дурное, и при этом жить с большими обидами и претензиями к другим.

У молодёжи другие проблемы, прежде всего удивительная внутренняя пассивность, неверие в то, что можно руководить жизнью. Они думают, что жизнь их влечёт, «тащит» за собой. Они не верят, что что-то зависит от них, не верят, что один в поле воин. Поэтому им очень трудно и оставаться, и становиться христианами. Плюс психология постмодерна: сегодня я такой, а завтра противоположный, а послезавтра ещё третий, ни на кого не похожий ёжик, и так и должно быть.

Молодые люди часто хотят хорошего, но они совершенно не способны это хорошее воплотить в жизни. Их никто не учил этому, не учил делать жизненный выбор, поступать по внутренним убеждениям, по совести, а не по внешним принципам, которые люди часто смешивают с совестью и думают, что это и есть совесть, часто ставя идеологию на первое место. Они заидеологизированы, потому что питаются очень мутными источниками духовно-нравственных норм, прежде всего через интернет и другие СМИ, а не мутных источников сейчас в этой сфере, насколько я знаю, нет.

Всё это очень неблагоприятно. Да, разница поколений, разница в десятилетиях очень чувствуется. И у каждого оказываются свои проблемы.

Василий Николаевич Матонин, поэт, прозаик, член союза писателей России (62 года, Архангельск): Когда Семёна Людвиговича Франка на «философском пароходе» выдворили из советской России, он вскоре написал статью, где размышлял о необходимости переоценки ценностей после войны и революции. Он говорил о том, что уже нельзя по-прежнему жить, по-прежнему воспринимать науку, которую считали безусловным достижением – а она обернулась лишь совершенствованием способов убийства. Он говорил об искусстве, которое вместо того, чтобы давать людям «хлеб насущный», потчевало народ «пирожными».

Такие же глобальные переоценки ценностей произошли после Второй мировой войны. А вот сказать «после ГУЛАГа», наверное, было бы ещё неправильно. Но у нас уже всё-таки появляется возможность более или менее объективно оценить ужас всего того, что происходило с нами.

Разные поколения очень по-разному воспринимают эти события. Если для людей старшего поколения ответственность за то, что совершал человек, как бы брало на себя государство («ты говори то, что надо, и будешь хорошим солдатом, хорошим человеком, и мы за тебя отвечаем»), то сегодня среди той разногласия мнений, которые существуют в мире по любому вопросу, человек сталкивается с необходимостью самому выбрать свою линию поведения. И стало понятно, что человек сам отвечает за свои дела. И я думаю, что это возрастание роли и ответственности личности в современном мире – важная черта нашего времени.

Протоиерей Георгий Митрофанов, церковный историк, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (61 год, Санкт-Петербург): Я бы сказал так: о потере нравственного чутья говорит готовность людей лгать. Обесценивание слова. Убеждение, что можно жить без каких-либо нравственных принципов и строить свою жизнь исходя исключительно из обстоятельств, приспособляясь к ним. Это ведь ведёт к тому, что наши люди – богатые или бедные, неважно – не живут, а выживают, даже не допуская возможности того, что можно жить не по лжи, определяя свою жизнь какими-то вечными неизменяемыми моральными ценностями.

Разница между поколениями здесь лишь в каких-то нюансах. По существу, спустя некоторое время после войны эта нравственная дезориентация стала характерна абсолютно для всех. В 1950-е – 1960-е годы ещё живы были люди, которые провели хотя бы детство и юность в Российской империи. В ней тоже было много и жестокостей, лжи и лукавства, она не была идеальной страной, но у этих людей так или иначе оставались какие-то нравственные ценности. Правда, они вынуждены были эти ценности игнорировать и жить двоедушно и двоемысленно, как очень многие. Я помню мой разговор с бабушкой, когда я был подростком и входил в церковную жизнь, – разговор о том, что она в Бога не может не верить, а мне лучше в Бога не верить, потому что сейчас это никем не признано...

Юлия Балакшина, учёный секретарь Свято-Филаретовского института, председатель Свято-Петровского братства (49 лет, Санкт-Петербург): Сейчас речь идет не просто о потере нравственного чутья, а скорее о том, что человек вообще перестаёт соотносить себя с другими. Он перестаёт думать о том, что кроме его желаний, удовольствий, потребностей, успеха есть кто-то ещё. И ради этого другого нужно уметь, как минимум, прилично себя вести в общественном пространстве, а как максимум, видеть в этом другом своего ближнего, помогать ему.

Глобальные переоценки ценностей произошли после Первой и Второй мировой войны. А вот сказать «после ГУЛАГа», наверное, было бы ещё неправильно. Но у нас уже всё-таки появляется возможность более или менее объективно оценить ужас всего того, что происходило с нами.

Разговор продолжался и во время перерывов

Бытовой, но характерный пример – сегодня люди не только употребляют нецензурную лексику в общественных местах, но и с большим недоумением реагируют на любые попытки напомнить им о норме. Они утверждают, что это их право, что они могут вести себя так, как им хочется, что они сами будут решать, что хорошо, а что плохо. Тот же принцип «цель оправдывает средства», «ты свободен», «ты этого достоин» проявляется и на более серьёзных уровнях жизни.

Разница между поколениями, безусловно, есть. Внешне кажется, что у старшего поколения более устойчивые этические нормы, есть представление о том, что хорошо, что плохо. Но часто эти представления связаны с наследием советского прошлого. То есть система координат выстроена не относительно человеческой личности как таковой и отношений человека и Бога. В этой системе ценностей на первом месте благополучие государства или торжество какой-то идеи.

Многие представители поколения, молодость которого пришлось на перестройку, сохраняют социальную активность, поскольку у них есть опыт того, что социальное действие возможно и может привести к каким-то положительным результатам. С другой стороны, они прошли через ломку этики девяностых годов и поэтому часто это «выжженное пепелище»: старая этика разрушена, а новая не сформировалась.

А молодому поколению отцы ничего толком не передают, и двадцатилетние просто дезориентированы... Поэтому они хватают системы ценностей из разных источников: что-то из американских фильмов, что-то из блатных сообществ, что-то из социальных сетей и компьютерных игр, что-то из школы, что-то от родителей. Получается невообразимый компот. С другой стороны, многочисленные волонтерские движения, в которых участвуют преимущественно молодые люди, выявляют, что желание поступать нравственно есть. И часто этика не предшествует процессу конкретного социального действия, а выстраивается в ходе этого действия. Нет у них кодекса волонтера, как был

«кодекс строителя социализма», а есть практика социальной помощи людям, сохранения истории или культуры. И в ходе этой социальной практики они интуитивно понимают, чего делать нельзя. Они это не описывают, не превращают в устав, но переживают как внутренний императив, который нельзя переступить, если ты хочешь заниматься тем, чем ты занимаешься.

Глеб Гарриевич Ястребов, заведующий кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ (45 лет, Москва): История от Второзакония до 4-й книги Царств написана как летопись национальных провалов и покаяний, а не триумфов. Её авторы усматривали истоки бед в нравственных поражениях народа. Они поняли: виноваты не вавилоняне, не фатум и не Бог. И чтобы беды прекратились, надо измениться.

А у нас вечно винят сторонние силы: то Запад, то другие религии и конфессии. В обществе ругают друг друга за предательство и продажность. Подчас не без оснований, но важнее сказать, подобно Бердяеву: беда случилась, «потому что я таков, каков я есть, потому что во мне не было настоящей духовной силы». (Читайте «Новое средневековье»!) И не впадать в фатализм да причитать, что честных лидеров нет, а самому стать честным лидером. Мы постоянно видим (и снова убедились на конференции), что активная позиция даже небольшой группы людей, подчас одного человека может менять мир.

...Разницу между поколениями мне сложно комментировать. Об этом обычно говорят субъективно, на основании ограниченного опыта. И мой опыт не шире. Но я с надеждой смотрю на молодёжь: хотя многие идеализируют наше прошлое (увы, подчас и сталинское), они менее зажаты, менее скованы страхом. Быть может, чаще хотят новых форм, свободы и открытости миру.

Священник Виктор Дунаев (40 лет, Хабаровск): Потеря нравственного чутья проявляется даже в каких-то мелочах. Например, когда люди просто мусорят на улице, бросают окурки, бумажки и ты понимаешь, что они при этом ничего не чувствуют, у них не возникает даже никакой мысли, что это плохо. Я не понимаю – почему люди нечувствительны к мусору? В результате в нашей стране просто горы мусора, и люди живут среди них и чаще всего не замечают этого.

Мне кажется, я всегда, с самого детства ощущал, что это ненормально. Мои прадедушка и прабабушка были раскулачены и сосланы, и возможно, именно от них мне как раз и передалось чувство, что нельзя просто так взять бросить что бы то ни было. Значит, мне это было передано, это ещё как-то сохранялось.

Сегодня в этой области разницы между поколениями нет никакой. Даже если старшие как-то по-другому сознавали и ощущали это, сейчас я этого не вижу.

Возможно, это связано с тем, что люди формально понимают, что они здесь родились, но не чувствуют, что этот город и этот край – их родина. В своём доме ведь никто не бросит мусор на пол.

Егор Карпенков, волонтер Мемориально-просветительского и Историко-культурного центра «Белое Дело» (30 лет, Санкт-Петербург): Разница между поколениями, на мой взгляд, определена, я даже замечаю некоторую разницу между мной и ребятами на 10 лет моложе меня, которые ещё дальше поколенчески отстоят от советского периода. Для меня он всё-таки ставит какие-то вопросы уже просто потому, что я родился в Советском Союзе. А ребята мыслят совершенно по-другому, и может быть, даже где-то чище, лучше просто потому, что они в другой России родились, в другом обществе. С одной стороны, ими весь этот период не осмыслен, а

с другой стороны, у них есть некий, может быть, не сбитый в чём-то моральный компас, который моему поколению и тем, кто на 10 лет старше, даётся с трудом: его постоянно нужно в себе поправлять. А для молодых какие-то нормальные вещи уже просто нормальны, и всё. Они так живут.

Для человека моего поколения (а тем более старших) выйти на митинг – это целое событие: ты бросаешь кому-то вызов одним тем, что ты пошёл, и считаешь, что, конечно, они вправе на это реагировать как-то болезненно. А молодёжь этого не чувствует. От этого у них больше недоумений, когда их начинают бить на митинге и увозить в отделения полиции. Они не понимают, за что, почему, они не согласны так жить.

И всё же даже нынешняя обстановка заставляет людей иногда идти на какие-то нравственные компромиссы со словами: «Ну все же кругом это делают». Например, человек на самом деле не малообеспеченный может подать документы на какое-то пособие для малообеспеченных. При этом он говорит: «Ну я же вижу: эти из бюджета украли столько-то, те украли столько-то. Ну и что, что я получу пособие, которое, может быть, для меня не было предусмотрено. Есть легальная возможность его получить, поэтому я так сделаю». Поэтому некоторая динамика отрицательная и сегодня есть.

Самое удивительное, что лейтмотивом конференции, затронувшей не просто сложную, а трагическую тему разрушения этики в результате антропологической катастрофы, осталось обращение к теме надежды. На подведении итогов трёх круглых столов, один из которых объединил священнослужителей, второй – деятелей культуры и учителей, а третий – представителей волонтерских движений, говорилось о тех «точках опоры», которые необходимы, чтобы смогло состояться пока кажущееся невозможным покаяние и возрождение церкви и народа. Среди этих точек опоры – труд собирания и сохранения личной, семейной и исторической памяти как путь к преодолению бесчувственности; уход от позиции критиканства и вхождение в ту или иную проблему как в свою; прикосновение к историческому пространству как прикосновение к аутентичности, подлинности; обращение к таким источникам нравственных норм как поэзия и многое другое. Наметились и сложные темы, требующие дальнейшего обсуждения, – например, какова мера допустимого компромисса. **КФ**

О страдании, избрании и поиске веры

Из беседы на второй просветительской Открытой встрече¹.
На вопросы отвечает священник Георгий Кочетков

Фото: Анастасия Наконечная

Записка:
Бог всеблагий, Бог есть Любовь, нас учат, что Бог любит людей. Почему дети страдают, голодают, болеют тяжёлыми заболеваниями и умирают маленькими? Это могут быть даже дети родителей-христиан. В Ветхом завете, в Исходе, Бог умертвил младенцев египтян. Как это связано с любовью? Ведь безгрешные дети не могут нести наказание за поступки родителей, тем более что решение удерживать евреев принимало ограниченное количество египтян, а умертвили многих.

Священник Георгий Кочетков: Хорошая записка, из разряда классических: если Бог – Любовь, то почему страдают дети? Я бы её немного расширил:

почему вообще страдают люди? Да, мы особенно чувствительны к страданиям детей, но разве страдания взрослого человека нас не касаются?

И ответ здесь, конечно, тоже классический. Это не от Бога, это от людей. Это как раз следствие того самого грехопадения, которое мы вспомнили сегодня в связи с Адамом и Евой¹. С этим злом, которое имеет универсальное вселенское значение, то есть касается каждого человека так или иначе.

Но это не то, что за Бога, это то, что *против* Бога. Это то, с чем Бог борется и поэтому через Христа даёт нам дар любви – ту силу, которая может преодолеть этот мрак, этот ужас современной жизни и наполнить её светом и любовью: это надо делать, и делать вместе. Само собой это ни у кого никогда

не получается и по отдельности тоже не получится.

Вы здесь приводите хороший пример из Исхода, а можно было бы и из других книг: в Ветхом завете множество таких примеров почти на каждой странице. Но вы же понимаете разницу между Ветхим и Новым заветом. В Ветхом завете есть свои величайшие откровения и ценности, но они – не откровения любви. В Ветхом завете любить ближнего и Бога означает только одно: исполнять Закон. В Новом завете всё иначе. Поэтому в Ветхом завете спокойно пишется, что это Бог поразил первенцев египетских. Да, это против любви. Но так *видели* Бога до Христа даже те, кто знал истинного Бога. Ничего другого о Боге они не знали.

Новый завет радикально иной. Он даёт то познание Бога, которое

¹Предыдущие части этой встречи были опубликованы в «Кифе» №4(248) и 5(249).

Шествие святых в рай. Фреска Успенского собора во Владимире. Андрей Рублёв. Начало XV в.

уже против Любви Божьей не идёт. Более того, Он Сам становится источником этой Любви для каждого человека. Конечно, приходится опять оговариваться: Любви, что не совсем то же самое, что любовь.

Поэтому ваш вопрос – закономерный. Людей это очень останавливает. Им почему-то кажется, что если Бог есть любовь, то зла и греха быть не может. Но человек существо не только разумное, но и свободное, духовное. А если в нём есть собственное качество свободы (пусть часто в виде свободы выбора), то человек действительно нередко выбирает зло и грех. И последствия этого выбора уходят значительно дальше, чем просто судьба отдельного человека и поэтому подчас приводит к самым страшным вещам. Не нам с вами об этом много говорить: двадцатый век для нашей страны был самым большим преступлением за всю историю человечества, во все времена.

Светлана: Вы все знаете, сколь много людей в наше время находится в душевном кризисе. Все хотят быть счастливыми, и куда они идут? Они идут к психологам. Ознакомившись с очень многими работами пси-

хологов, я выяснила, что по сути успешны те, обратившись к которым люди получают результат и действительно становятся счастливыми. Это те психологи, которые исходят просто из христианских заповедей и по-своему преподают, разжёвывают, рассказывают более подробно людям, прикладывая к практике, с настроением несколько другим, но по сути те же заповеди христианства. И тогда это ответ на вопрос, как совмещать христианство с жизнью в современном мире. Как раз люди – психологи и педагоги – очень успешно переносят это в нашу современную жизнь. И получается, что в этой массовости люди, когда начинают строить свою жизнь на основании заповедей христианства, как раз и преодолевают это явление массовости. На мой взгляд, христианство – один из аспектов, путь внутреннего самосовершенствования как человека, его взаимоотношений с обществом, так и всего общества. Существует мнение (мы не говорим о третьих лицах, но всё-таки поделюсь мнением одного человека), которое меня очень удивило: что, возможно, такие гонения и ополчения на нашу

страну всего мира происходят из-за того, что наша страна – это как раз православие, и что православие в нашей стране развивается. То есть мы духовно растём, и этот духовный рост личности и православия как раз массовому миру неинтересен, поскольку там другое развитие, другие критерии, там стяжательство. А вот душевность – тот путь, по которому мы с вами идем, он не интересен. И ещё, у одного из психологов была такая практика, что он изучил все, все, все веры и всё-таки обратился в результате потом опять к христианству. Почему? Потому что, как он считает, это единственная вера, которая ведёт нас через любовь, как наиболее сильный закон, к преобразению. Вот моё мнение об одном из аспектов христианства.

Священник Георгий Кочетков: Спасибо, особенно важны последние Ваши слова, с ними я могу согласиться. С некоторыми предыдущими могу поспорить, но вряд ли нам нужен здесь дискуссионный клуб по тонкостям психологии, педагогики и так далее. Это интересные вопросы, но, может быть, не сегодня стоит их поднимать.

Православие – это путь в Царство Небесное, но ещё не само Царство Небесное, потому что церковь – это люди, живые люди.

Что же касается выбора веры, то мне знаком этот опыт. Я приходил в 1960-е годы к вере абсолютно без всяких духовных корней, а перед этим не встречал верующих вообще. И ни одной христианской книжки не читал, кроме русской литературы, которая, конечно, всерьёз задаёт здесь тон в сторону христианства, но всё-таки редко (за исключением очень небольшого количества произведений) может быть названа христианской литературой в узком смысле слова. Так вот, я тоже ходил и к православным, и к католикам, и к мусульманам, и к иудеям. Мне было всё равно, кем быть, я просто приходил, стоял и смотрел. И, как ни странно, я стал православным – наверное, по той же самой причине, о которой вы сейчас рассказали. Как это я почувствовал, я не знаю, потому что если бы ко мне тогда кто-то подошёл и выгнал бы из храма... Ну, правда, я был ещё в старших классах школы, к таким посетителям относятся более милосердно, как к страдающим детям, поэтому меня никто не выгнал ниоткуда, хотя я ничего нигде не знал. Но результат всё-таки оказался такой, и меня это удивило. У меня было самое доброжела-

тельное отношение абсолютно ко всем, потому что не было никаких предубеждений (ну, правда, и знаний, что каждая религия из себя представляет, не было). Но было важно посмотреть на отношения людей, на богослужение. И я видел во всех этих случаях неплохие вещи, а всё-таки христианство, православие оказалось сильнее.

У меня до сих пор доброе отношение ко всем религиям и ко всем христианским конфессиям. Я не считаю, что нужно, став православным, отворачиваться и убегать от остальных людей или считать их отступниками и исчадием ада. Это всё ерунда, это всё от лукавого, хотя мы это часто слышим даже от некоторых «представителей церкви».

Так что то, о чём Вы рассказали, – это действительно серьёзный опыт. Иногда надо посмотреть, надо испытать и себя, и то, какие же плоды приносит та или иная вера. Хотя все религии на земле – это ещё не Царство Небесное. И православие – это *путь в Царство Небесное*, но ещё не само Царство Небесное, потому что церковь – это люди, живые люди. Если брать не славянское слово «церковь», а греческое «экклесия», то оно пере-

водится как «собрание» – собрание людей, а не собрание вещей, или храмов, или одних лишь иерархов. А в людях есть недостатки, согрешения, и можно встретиться даже со святым человеком, который согрешает в чём-то. Он же не Господь Бог. Вот Господь Бог не согрешает и зла совсем не творит. А люди, пока они живут в этом мире, часто идут на компромиссы (что ещё не зло, но уже не добро), уж не говоря о худшем, о прямых грехах и согрешениях.

Так что я бы хотел всем предложить действительно быть внимательными – смотреть на суть, на корень, не придирайтесь к мелочам и отдельным недостаткам, которые есть у всех людей, включая настоящих Божьих святых.

Инна: У меня вопрос об избрании человека. Апостол Павел в своих посланиях много пишет о том, что избрание зависит от Бога. Вот цитата из послания к Ефессянам: «Он избрал нас в Нём прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны перед Ним в любви».

Как Вы думаете, от Бога ли избрание зависит, или, может быть, от кого-то другого?

Апостол Павел. Фреска Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

Священник Георгий Кочетков: Прекрасно сказано. Прекрасно написано. Такое избрание, конечно, принадлежит Богу. Бог хочет, чтобы все люди стали Людями, каждый человек. К кому-то Вы на сегодняшний день плохо относитесь, на кого-то, может быть, обижены или испытываете ещё что-нибудь подобное. А вот Господь хочет, чтобы каждый, буквально каждый стал Человеком. И это – избрание. И это – от Бога. Бог поэтому и открывает путь: этот путь – христианство. Узкий путь, это да – по нему не всегда удобно идти, иногда трудно, иногда очень трудно. Я порой говорю своим друзьям, братьям и сёстрам: никто никогда христианину не обещает лёгкой жизни; но христианская жизнь – счастливая жизнь.

Инна: В послании к Римлянам говорится, что когда дети, которые были обещаны Ревекке с Исааком, ещё не родились и не сделали ничего доброго или худого, «дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего, сказано было ей: больший будет в порабощении у меньшего, как и написано: Иакова я возлюбил, а

Исава возненавидел». Это тоже слова апостола Павла.

Священник Георгий Кочетков: Здесь он обращается к ветхозаветному сюжету, как Вы понимаете. А о том, в чём разница между Ветхим и Новым заветом, я уже немного говорил, и вряд ли здесь стоит возвращаться к этому вопросу. Однако повторяю, в Ветхом завете есть удивительно ценные высокие вещи, но чего-то важного там нет. Потому что если бы было всё, зачем было бы приходить Иисусу Христу? Но Христос пришёл.

Инна: А когда уже Христос пришёл?

Священник Георгий Кочетков: Он знал и очень хорошо понимал разницу между Ветхим и Новым Заветом – это даже вызывало очень бурную реакцию современников. Если очень коротко: помните место, где апостол Павел говорит: чего хочу, того не делаю, а чего не хочу, то делаю; бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти? И потом благодарит Христа воскресшего, потому что Он от этого избавляет². Ведь Закон Божий не исполнил до конца ни один человек, и на

базе одного только Закона, на чём стоял весь Ветхий Завет, обрести возможность исполнения своего призвания было нельзя. Таков был опыт людей. А он оценивается по плодам и по Духу. Не буду говорить сейчас подробнее, потому что не все читали так внимательно апостола Павла, как Вы.

К слову говоря, я думаю, что было бы интересно нам с вами в следующий раз подробнее поговорить уже не о том, *что* есть христианство, а *как стать христианином*. И это было бы интересно и тем, кто уже считает себя христианами, и тем, кто пока ещё сомневается и не считает себя таковыми.

Это тоже огромное поле, и мы попытаемся в следующий раз в нём немного разобраться. А сейчас мы пока говорим о том, что есть христианство для нас с вами в нашем сознании, в нашей жизни, в действительности.

Александр: Для меня христианство – это то, что сказал апостол Павел: в вас должны быть те же чувствования, что во Христе Иисусе, ибо Он не считал для Себя хищением быть равным Богу, но принял образ раба, быв послушным до смерти, и

² «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?»

Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим 7:19, 24–25).

Апостол Павел говорит: я о себе не сужу. И мы будем стараться о себе не судить. Уж лучше, когда сделал всё, скажи: «Я раб ничего не стоящий, что должен был сделать, то и сделал».

даже смерти крестной³. И вот, в нас, христианах, должны быть такие же чувства как в Нем. Это подобие Христу.

Священник Георгий Кочетков: Согласен.

Александр: Значит, каждый человек, если он стал верующим христианином, подписывается в этом – для меня это такой страшный договор, страшная судьба... Быть рабом, принять его образ, говорит апостол, и может быть, даже внутри быть и считать себя равным Богу. Со своей колокольни скажу: я себя считаю таким, и для меня христианство – это быть духовным человеком, то есть действительно вкушать какую-то сладость Богопознания и быть свободным. А тут же нужно принять образ раба, причём не просто принять, а быть послушным абсолютно полностью – и Богу, и друг другу: если кто-то из вас хочет быть большим, пусть будет всем слугой. Надо друг другу повиноваться и слушаться во всём. Получается – это хри-

стианство? Полное рабство по отношению друг к другу и полное подчинение и рабство Богу? И до смерти, до всяких там мучений, до страшных, крестных каких-то мук. И до самого конца надо быть таким. Как-то одно другому противоречит.

Священник Георгий Кочетков: Вот видите, тут собрались такие знатоки апостола Павла, что я просто поражаюсь. Но, во-первых, всё-таки в некоторых переводах это место звучит так: ваш образ мыслей должен быть таким же, как и образ мыслей Иисуса Христа⁴. В одном случае говорится о чувствах, в другом – о мыслях. Не забывайте об этом.

Во-вторых (прошу прощения, я выражаю только свою точку зрения в данном случае), – не спешите называть себя Богом – это может плохо кончиться. Пусть Бог вас назовёт Своим сыном – вот это кончится хорошо.

Ведь кроме того, что мы стараемся иметь те же чувства и мысли, что и во Христе, мы, во-первых, только *стараемся*, во-вторых, делаем это, насколько мы эти мысли

и чувства понимаем и знаем, а мы знаем далеко не всё. И исполняем уж тем более не на 100% даже то, что знаем. Это некоторая наша цель, это смысл нашей жизни – раскрыться максимально именно на этом пути. Поэтому мы о себе не судим – так и апостол Павел говорит: я о себе не сужу. И мы будем стараться о себе не судить, особенно в таких категориях. Уж лучше, когда сделал всё, скажи: «Я раб ничего не стоящий, что должен был сделать, то и сделал»⁵, – это тоже из Писания, как вы помните. Поэтому здесь очень важно избегать крайностей. В духовной жизни это принципиально.

Мы в следующий раз поговорим о том, как идти этим путём. Если вам более или менее понятно, куда мы идём, что такое христианство, дальше уже можно говорить о том, *как стать христианином*. Ведь здесь на встрече есть очень разные люди – и те, кто только-только начинает свой духовный путь, и люди, как видите, знающие наизусть Священное писание... **КС**

³ «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеку и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной»

(Флп 2:5–8). Текст приводится по Синодальному переводу Библии.

⁴ Можно сравнить это и с церковнославянским переводом: «Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе».

⁵ Лк 17:10.

Русская история ещё не написана

Мы продолжаем публиковать материалы «Русских бесед»,
проходивших в Москве в 2018 году

Напоминаем, что в центре доклада Феликса Вельевича Разумовского¹, фрагменты дискуссии по которому мы сегодня публикуем, стояла основополагающая дилемма русской истории: необходимость найти равновесие между правдой и порядком. Как один из главных примеров такого равновесия приводилась Новгородская республика в её лучшие времена, когда жители города в первую очередь прислушивались к своему архиерею, а также время правления Ивана III, когда новгородцы (зادолго до решающего конфликта с Москвой оказавшиеся предателями общерусского дела, в частности, не участвовавшие в Куликовской битве и в разные периоды истории ведшие переговоры с Литвой) вынуждены были признать, что правда оказалась на стороне Москвы.

Андрей Михайлович Голицын: Когда у тебя есть свой надел, свои земли, ты будешь за них бороться. Это то, что сделало жизнь Новгорода столь независимой.

Владимир Петрович Аверчев: Однако к 1917 году до 80% земли уже не находилось в общинном владении. Она была приобретена крестьянами в частное владение.

Феликс Вельевич Разумовский: На самом деле то, что Вы говорите, – это изложение Столыпинской программы. Он так видел проблему России. Я с этим, конечно, не могу согласиться. Дело в том, что это пример «западной оптики». В этом, кстати, была и главная проблема Великих реформ. Отсюда полное их непонимание мужиком.

Столыпин очень крупный человек, безусловно, но он не свободен от характерной для русского западничества беспочвенности.

Однажды он захотел посмотреть последствия своей переселенческой политики и приехал в Сибирь. Там он не увидел фермеров, в каждой новой деревне возникла русская община. Эта форма самоорганизации прекрасно подошла к сибирским условиям.

Ф.В. Разумовский: Сколько у кого земли, неважно. Русскую смуту 1917 года устроили и возглавили самые состоятельные крестьяне. А ведь по европейским понятиям им было что терять, у них была собственность, они владели своей землёй. Русская община – это явление не только хозяйственной жизни, а прежде всего социально-культурное.

С другой стороны, в последние столетия перед 1917 годом русская элита если не физически, то психологически жила в Париже, пребывала как будто на Марсе, на Луне... Тогда как народ без элиты – это страшная история. Он, народ, стал загнивать. О.П. Семёнова-Тянь-Шанская в честной книге «Жизнь “Ивана”» описала, во что превратился русский крестьянский мир, который с такой любовью и состраданием описывали русские писатели, вплоть до «Деревни» Бунина.

Этот замечательный мир за 200 лет, к сожалению, начал распадаться. Его нужно было возрождать и оздоравливать. Но его нельзя было разваливать, ведь это делало из русского крестьянина маргинала, зачастую просто разбойника, потому что он лишал-

¹ См. «Правда или порядок?», «Кифа» № 5(249).

ся всяких культурных связей. Вот в чём трагедия столыпинской программы.

Александр Дмитриевич Коншин:

Да, действительно, русский крестьянин за последние полтора столетия крепостничества привык к общинному землепользованию, общинному решению конфликтов и т. д. Община уже в конце XIX века стала явным тормозом экономического развития сельского хозяйства, одной из причин малоземелья крестьян и их незаинтересованности в эффективном земледелии. Столыпин взял западные образцы и пытался сделать из крестьянина истинного собственника, фермера. Несмотря на непонимание общинниками нововведений, многие крестьяне восприняли их, в том числе в Центральной России. Эти «новые» земельные отношения на самом деле как раз и были традиционными в изначальной форме. Благодаря столыпинской реформе Россия вновь обрела когда-то утраченную национальную основу, возвращалась к исконному историческому

² Это были совсем не те общины, с обобществлённой землёй крестьян, о которых говорит Ф.В. Разумовский, а кооперативы, артели, состоящие из полновесных самостоятельных хозяев земли, настоящих собственников. Крестьяне, ни у кого не спрашивая, могли сами заложить свою землю в Земельный банк и получить кредит, они о своей земле заботились, как о родном ребёнке, вкладывая в неё всю душу, все свои силы. Поэтому эффект не замедлил себя ждать – урожайность возросла, а валовой продукт зерна увеличился более чем в 2 раза. В той общине, за которую ратует Ф.В. Разумовский, такого эффекта не могло быть, так как крестьяне, имея в собственности землю, вносили её в общину, и уже община ею распоряжалась, а не они. Община периодически занималась переделом наделов по фактическому числу душ (раз в 5 лет). С резким ростом численности населения за годы правления Николая II, естественно, произошло такое же пропорциональное сокращение размеров наделов крестьян, приходящихся на каждую душу, прежде всего

направлению своего развития. В судебнике 1589 г. была зафиксирована на всей территории частная собственность крестьян на землю с правом передачи по наследству, продажи её.

А в Сибири крестьяне всегда были свободными. Да, крестьяне-переселенцы возродили свою общину, но на совершенно ином основании. Они были полновластными собственниками своей земли, уже со своей землёй вступали в «общину»².

Ф.В. Разумовский: Столыпин говорил: «Мы делаем ставку на сильных и богатых, а не на слабых и пьяных». А ведь одна из главных традиций русской общины – это взаимопомощь, недопущение обнищания. Весь капитализм на Западе создан на основе пауперизма³, то есть на человеческих трагедиях. У нас было иначе.

А.Д. Коншин: Если весь европейский и западный мир ориентирован на католическую и протестантскую веру, где эго – это основное в менталитете человека⁴, то русский мир и русский капитализм был ориентирован на православие и христианские ценности. Промышленники, русские капиталисты принципиально отличались от промышленников западного образца своим отношением к рабочим, заботой о них, благотворительностью.

в Центральной России. Поэтому только столыпинская реформа позволяла разрубить этот гнойный узел. Совсем непонятно, каким образом реформа «делала из русского крестьянина просто разбойника» и каким образом «он лишился всяких культурных связей» (Прим. А.Д. Коншина).

³ Термин, означающий обнищание населения (от англ. pauper – бедный, нищий).

⁴ Наверное, здесь уместно было бы вспомнить, что в 1601 году в Англии был принят закон «О социальной помощи бедным», обязывавший приходы оказывать помощь нищим – пауперам, которые обязаны были носить на одежде пришитую букву «P» в знак того, что живут за счёт средств общины. Если для помощи не хватало средств приходов, средства взымались со всех жителей пропорционально их прибыли, причём в ряде случаев этот налог платили не владельцы, а арендаторы земли. Закон о бедных 1834 года прекратил оказание денежной помощи пауперам, возложив заботу о них на работные дома. – Ред.

Ф. В. Разумовский: Однако центром московского восстания⁵ в 1905 году на Пресне была Прохоровская мануфактура⁶. При этом сам Прохоров получил менее чем за год до этих событий золотую медаль за социальное устройство рабочих, в августе 1905 года рабочие подарили ему икону как благодетелю.

А. Д. Коншин: Это советский обман. Там рядом была фабрика Николая Шмита⁷, который действительно вывел рабочих, и он был одним из деятелей революционного движения.

Прохоровских рабочих заставили под дулами пистолетов выйти на баррикады, а кого соблазнили выпивкой и раздачей денег. Для этого на фабрику проникли специально присланные люди, которые и подняли восстание.

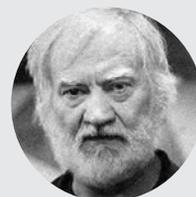
Наталья Геннадиевна Симонова: Хотелось бы сказать в поддержку слов Александра Дмитриевича, что есть факты, напечатанные самы-

⁵ Восстание явилось одним из эпизодов первой русской революции 1905–1907 гг. и продолжалось с 10 по 19 декабря 1905 года. Привело к многочисленным человеческим жертвам, в том числе среди мирного населения Москвы.

⁶ В 1799 году купец Василий Прохоров и мастер красильного дела Фёдор Резанов основали в Москве ситценабивную мануфактуру, которую назвали «Трёхгорной» по названию местности. Продукция фабрики всегда пользовалась большим спросом, неоднократно отмечалась высокими наградами на международных ярмарках в разных странах. В 1820 году при фабрике была открыта первая в России ремесленная школа, в которой обучались и сами работники, и их дети. Кроме того, для рабочих был открыт первый в России фабричный театр, вечерние классы для обучения рабочих грамоте, библиотека, амбулатория, летние санатории. С конца 1830-х годов Прохоровым было присвоено потомственное почётное гражданство. Последний владелец фабрики, Николай Иванович Прохоров, в 1912 году был возведён в потомственное дворянское достоинство.

ми известными историками и являющиеся исторической дезинформацией и заблуждением.

Это часто можно доказать документами. Также я встречала такую ситуацию, когда исторический факт справедлив, но истолкован неверно и оттого порос мифами, которые начинают копироваться и множиться.

Вячеслав Владимирович Игрунов: Я хотел бы высказаться по многим аспектам, но связно не получается, картина не выстроилась. Но что я хотел бы отметить – что такой разговор, на мой взгляд, имеет очень большой смысл. Потому что русская история ещё не написана. Сейчас в кулуарах Владимир Аверчев уже говорил о том, что наша история писана Москвой, победителем в соревновании выстраивания русского мира. И в докладе Феликса Вельевича элементы этого взгляда тоже есть. Ну, вот, например, Новгород – изменник, потому что его не было на Мамаевом побоище, потому

В дни Декабрьского восстания 1905 года в помещении прядильной фабрики была организована мастерская по изготовлению оружия, в химической лаборатории производились взрывчатые вещества.

⁷ Николай Шмит (1883–1907) – сын и наследник владельца фабрики художественной мебели на Пресне Павла Шмита и Веры Морозовой. В 1905 году 22-летний владелец фабрики передал Московскому комитету РСДРП 20 тысяч рублей на вооружение рабочих. Под видом найма на работу он принял на фабрику профессиональных революционеров Ивана Карасёва и Михаила Николаева, а также закупал оружие, в частности, новейшие по тем временам браунинги и маузеры, которыми не располагали ни полиция, ни армия. Скончался в тюрьме через год после ареста при невыясненных обстоятельствах. Перед этим сообщил сёстрам, что завещает своё состояние РСДРП(б). Они вышли замуж за предложенных партией женихов; благодаря этому большевистский центр получил около 280 тыс. рублей. Эти деньги позволили большевикам существовать и действовать по крайней мере до 1914 года.

Есть факты, напечатанные самыми известными историками и являющиеся дезинформацией и заблуждением.

что он собирался подписывать какой-то договор с литовцами... Но Новгорода не было на Мамаевом побоище по одной простой причине: Новгород не был подданным хана. А москвичи и все остальные ратники были частью Золотой орды и должны были защищать интересы Тохтамыша против узурпатора Мамаю.

Ф. В. Разумовский: Вынужден возразить: Новгород платил дань Орде.

В. В. Игрунов: Некоторое время; более того, он входил в Золотую орду во времена Александра Невского. А в более позднее время Новгород перестал платить дань, освободился от Золотой орды и больше в неё не входил. И на Мамаево побоище в силу этого не должен был идти. И как суверенное государство – в отличие от Московского княжества – вполне мог подписывать договор и с Литвой, и с кем угодно. Вопрос изменников возникает гораздо позже, когда победительница Москва начинает проявлять свои притязания на большую часть русского пространства, в том числе на Новгород, на Псков.

Сейчас все говорят о «русском мире». Фонд «Русский мир» сыграл в этом злую шутку. Хотя он как бы вновь ввёл в оборот то, о чём говорили Ключевский и другие историки. Но мысль о русском мире в 70-х годах позапрошлого века возникла как раз в противовес московской версии русской истории. Потому что русская история и вообще русская культура, русское общество формировались одновременно в разных центрах. Они формировались в Новгороде – там своя ветвь, подавленная в значительной степени; формировались в Великом княжестве Литовском и потом из Киева приехали книжники в Петербург и в значительной степени подчинили себе московскую русскую культуру. Русский мир – это некий синтез независимых русских культурных центров. Поэтому говорить о предательстве здесь, конечно, совершенно неоправданно и невозможно. По крайней мере для тех, кто на это смотрит не с московской точки зрения, а с русской точки зрения.

Но вот с чем я должен радикально согласиться – это с тем, что выстраивание русской культуры, русского правового порядка – именно так, «правового порядка», а не «права и порядка», – сильно отличалось от европейского. Это как правая и левая ладонь – пальцы будто бы одинаковые, а устроены очень по-разному. И я с вами согласен, что представление о правде для русской культуры гораздо более важно, чем представление о собственности. Воля к собственности, в конечном итоге, знаете, как формировалась? Что такое русская колонизация той территории, на которой мы живём? Человек пришёл, выжег лес, сделал заимку, жил пять лет, бросил её и ушёл дальше. Этой собственности навалом, что за неё биться? Он пойдёт и дальше, и дальше, и дальше... и потом вернётся на место, которое никто и не занял. Земли много! Главная собственность – земля. И эта собственность не особенно ценна, её можно поменять. Когда ты столетиями живёшь в такой ситуации, а потом столетиями живёшь в общине, где эта собственность постоянно делится по едокам, у тебя, конечно же, не формируется того индивидуального представления о жизни, о собственности, которое в таком гипертрофированном виде проявляется в Западной Европе.

Русская культура – действительно культура общинная и ориентированная не на материальность бытия. Именно в этом особенность нашей эволюции и невозможность вполне перенести западные институты на нашу почву. И конечно же, Россия существует только потому, что у неё есть некая утопия, представление, которое не слишком опирается на повседневность, «точка на горизонте». Но в этой утопии право и порядок вряд ли противостоят друг другу. Они объединяются в правде. Вот это наши право и порядок. Порядок, основанный не столько на правде-истине, сколько на правде-справедливости.

Так что я хотел бы поставить многоточие и сказать: я благодарен этой встрече, этой беседе, потому что она ещё раз подчеркивает, насколько мало изучена наша история, насколько много ещё следовало бы ею заниматься и писать её фактически заново. Я думаю, время для этого пришло.

Дмитрий Сергеевич Гасак: Говоря об особенностях общинного устройства, о том «общинном менталитете», в котором была своя правда и реальность русской жизни, можно вспомнить несколько примеров, которые приводил А.С. Хомяков, когда рассуждал о различии европейского и русского типов просвещения. (Он, как известно, пытался втолковать это образованному российскому обществу, отделённому от русской жизни и не понимающему её.) Один из этих примеров – так называемый суд третями. Кроме тех, кто представлял спорящие стороны, в разбирательстве участвовала третья сторона, представляющая интересы обеих. В этом Алексей Степанович находил то самое явление русской правды, которое предполагало не торжество формального права – дискретного, всё разделяющего – а представляло начало общей жизни. Ведь как бы люди ни судились, а жить им всё равно предстояло вместе.

Ещё один его пример – это свободно возникшее разнообразие подходов при решении проблемы череполосного землевладения. В 1839 году был принят указ, который позволял собственникам решать межевые споры самостоятельно, полюбовно. Многие не верили в то, что без вмешательства государства как внешней принуждающей силы народ может договориться и справиться с этой задачей. Хомяков же указывает на то, что такие решения были найдены, причем и основания для решений признавались самые разнообразные. В одних местах в решении споров опирались на различные документы о собственности или владении, а где-то – просто на «преданья старины». Кому-то выплачивались денежные компенсации, собранные самими крестьянами. В таком устройении дел Хомяков видел коммюотарное начало, которое весьма положительно характеризует реалии российской жизни. Приводя эти примеры,

мыслитель пытался достучаться до сознания того общества, к которому и сам принадлежал. Но, кажется, не многими современниками он был услышан.

Эта дистанция между обществом и народной жизнью, между властью и тем народом, которым эта власть вроде как управляет, привела к тому, что власть стала восприниматься как некое внешнее по отношению к народу начало. Не потому, что её представители считались «пришлыми» или «засланными», а просто в силу этой колоссальной дистанции. И мы видим в истории XIX в. много примеров, когда даже тем людям из общества, которые хотели знать русскую жизнь, стоило большого труда, а иногда и не удавалось достичь этого.

И ещё одно замечание. Когда Феликс Вельевич говорил о петровских преобразованиях, это было связано с тем, как воспринимается на русской равнине государство. И «петровский» взгляд на вещи – это не только взгляд императора, который владеет всем, но ещё и человека, который создаёт государство не как общественный институт (пусть важнейший, но всё же один из многих), а как то, что стремится заместить собой общество, создать иное представление о том, кто живёт и действует на русской земле. При таком направлении взгляда можно понять логику, с которой собираются колоссальные ресурсы для решения целого ряда важных для империи как целого политических вопросов: выход к необходимым для политического доминирования географическим границам, соответствующие этим целям войны, вхождение России в мировое сообщество держав в совершенно новом качестве и т. д. При этом жизнь отдельного человека, сохранение бытовой и хозяйственной традиции почти естественно перестают быть видны на фоне столь масштабных целей. Какая власть в данном случае в силах поставить себе предел и переориентировать своё внимание на человека? И в Европе-то такого не было, там это выковывалось в вековой борьбе всех со всеми. У нас же этого предела как будто нет, нет того начала, которое противостояло бы власти, когда она переходит предел, – кроме бунта и смуты. Да и не легко понять, к слову, в чём он, этот предел? Эти границы должны

Очень важно ещё одно имя – преподобного Сергия. Неслучайно он был назван игуменом земли Русской. Игуменом всей нашей земли!

проходить явно не в сфере материальной. Может быть, они обнаруживаются тогда, когда народ начинает замечать нарушение, измену некой правде жизни, понятной только ему? Так что государство в России – это тема, которая требует отдельного разговора.

Священник Георгий Кочетков: Мне кажется, в связи с темой отношения русских к власти очень важно ещё одно имя – преподобного Сергия. Неслучайно он был назван игуменом земли Русской. Игуменом⁸ всей нашей земли! Когда я вожу оглашаемых в Троице-Сергиеву лавру, я обязательно им об этом говорю.

Нужно подумать, что это может означать для нас – когда игуменом признается святой человек. Он, конечно, не был безобидным, и хоть жил в лесах, но всё-таки влиял на какие-то важные политические события, и князь неслучайно к нему ездил. Он не только вдохновлял своих учеников на создание монастырей, на просвещение, на какое-то возрождение, он ещё *устраивал* эту землю. Мне это кажется очень, очень важным. И всё, что мы сегодня говорили, всё время было близко к тому, что русский народ свою власть *своей* как бы не считал. Он чувствовал её на очень большом расстоянии от себя. Потому что если нужен был митрополит, который устраивает какие-то мирские дела, то значит, князь этого делать не может.

Русский народ всегда, мне кажется, держал это большое расстояние. И важно не только это: его самого держали на большом расстоянии его правители. Я не нахожу другого объяснения этому, кроме того, что государство может быть христианизированным, но христианским никогда никакого государство не было. И не будет – даже Ватикан.

Русский народ мог *подчиняться* князьям и царям. Но в этом всё время чувствуется какая-то стилизация, что-то ненатуральное, идущее не изнутри, какое-то принципиальное недоверие. Может быть, это связано и с тем, что у истоков были Рюриковичи, то есть варяги? И вообще часто у власти стояли как бы «не свои» люди? Они не очень понимали, чем живёт народ и что ему нужно. Той самой правды русской не понимали. Я не знаю, насколько сам народ понимал свою правду. Но он реагировал на это непонимание власти. Власть всё время как бы немного попадала мимо. Желая хорошего для народа, декларируя это, она *не устраивала* эту землю. В сегодняшнем докладе это прекрасно, удивительно было проиллюстрировано картиной постоянных переустройств. «Да, надо что-то делать, правды не хватает...» И действительно, её не хватает, и порядка не хватает, и воли. Я не знаю, чего больше? Того и другого не хватает. И когда верховная власть пытается всё время что-то менять раз, два, три... Проблем, как можно понять, это рождало множество и ничего не решало. И я даже думаю, что это стало глубокой традицией, которая в какой-то степени, может быть, даже далеко не в последнюю очередь, объясняет, как русский народ мог в какой-то самый первый решающий момент принять советскую власть. Конечно, далеко не все приняли. Но тех, кто сразу активно реагировал, было немного. Всё-таки многие считали, что это «просто ещё одна власть»: «Само уйдёт, само поменяется. Это не наше дело? Ну, и было не наше. И сейчас не наше. Может быть, ещё дальше от нас? Ну, всё это преходящее». Люди не придавали этому должного значения.

Если вернуться к тому, с чего я начал: сейчас вряд ли всерьёз кто-то назовет преподобного Сергия игуменом земли Русской. Но люди ищут истинного правителя, я думаю, это так. Есть желание, чтобы он на нашей земле был. Да, его нет, и может быть, не было. Может быть, был некий святой. И я думаю, что в этом очень тяжёлый вопрос для нас и для всей нашей истории.

⁸ Букв. «предводительствующий» (греч.).

Братский помянник

4 июня на Бутовском полигоне был расстрелян иеромонах Вениамин (Эссен) (1902–1938).

По происхождению барон, сын царского генерала, он был священником, монахом, художником, членом ленинградского Александро-Невского братства.

В семнадцатилетнем возрасте, после гимназии, служил полгода в эвакуационном госпитале Красного Креста, который тогда уже был советским; сразу после этого ушёл в Белую армию к Деникину.

Решение о пострижении в монахи принял во время учебы на ленинградских Высших богословских курсах.

В братстве он возглавил один из молодёжных братских кружков, совершал иногда отдельные службы для братской молодёжи. В 1930–1932 гг. служил настоятелем в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Лесном, в котором собиралась часть Александро-Невского братства.

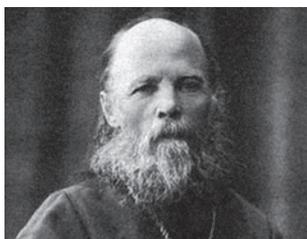
Когда его расстреляли, ему было 36 лет.

11 июня отошёл ко Господу исповедник веры архиепископ

Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961).

Более 10 лет он, только что ставший епископом, провёл в советских тюрьмах и ссылках. Его подвергали «конвейерной» пытке бессонницей, заставляя дать на себя ложные показания, но он этого не сделал. В октябре 1941 г. ссыльный владыка был назначен консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя. Ему неоднократно устраивали обструкции за ношение в публичных местах рясы, но уже при жизни поставили бронзовый бюст в епископских одеяниях в галерее выдающихся хирургов в Институте неотложной помощи им. Склифосовского в Москве.

22 июня отошёл ко Господу святой праведный Алексей Мечёв (1859–1923).

Отец Алексей, настоятель храма Свяителя Николая Чудотворца в Клённых (Москва, ул. Маросейка), очень тяжело переживал раннюю смерть горячо любимой жены. Отец Иоанн Кронштадтский, к которому он поехал за советом, предложил ему сделать основой богослужебной жизни прихода частое причащение (в то время было принято причащаться, как правило, раз в год, в Великий пост) и сказал: «Будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя, и тогда увидишь, что

твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет». Это слово отец Алексей принял как послушание. Вскоре он стал известен как старец, хотя монашества не принимал и всю жизнь оставался приходским священником в сане протоиерея.

По воспоминаниям сына о. Алексия, сщмч. Сергия Мечёва, говоря прихожанам, искавшим напряжённой духовной жизни «погоди, у нас свой монастырь будет», о. Алексей имел в виду «не монастырские стены, а паству – семью, находящуюся под единым духовным руководством и связанную узами любви. В ней каждый человек живёт как обычный мирянин и член общества, но в душе работает Богу...»

В разное время у отца Алексия бывали священник Павел Флоренский, философ Н.А. Бердяев, скульптор А.С. Голубкина, художники М.В. Нестеров и Л.А. Бруни...

В советское время отца Алексия дважды вызывали на «собеседование» в ОГПУ, запрещали принимать верующих.

26 июня отошёл ко Господу игумен Варсонофий (Верёвкин) (1894–1939).

Иеромонах Варсонофий стал одним из руководителей Александро-Невского братства после ареста всех троих его основателей в 1922 году. Он возглавил одну из тайных

общин Александро-Невского братства, проживавшую в Старом Петергофе под Петроградом в подворье Серафимо-Дивеевского монастыря. Отец Варсонофий в одной из своих проповедей говорил: «Всякий раз, когда мы встречаем насмешку над верой Христовой, когда мы оказываемся лишёнными мужества настолько, что поддаёмся хулителям имени Божия, когда мы ради мирского страха стыдимся исповедать свою веру в Него, – всякий раз мы тем самым уподобляемся малодушию Его учеников, разбежавшихся при виде вооружённых врагов. Когда мы стараемся скрыть свою веру перед людьми, когда мы опасаемся, чтобы люди не заметили нашего благочестия, не прочь бываем даже похвастать своим пренебрежением к обязанностям христианина, когда мы славу мира сего любим больше, чем славу Божию, тогда мы повинны в отречении апостола Петра.

Но если чувственные страсти или сердечная злоба побуждают нас на сознательное отступление от Христа, если не добро, но сознательное зло вносим в жизнь и вредим славе Божией, то тогда мы повторяем гнусные дела Иуды-предателя».

После ареста в 1932 году о. Варсонофия приговорили к 10 годам лагеря. Через год о. Варсонофий как инвалид первой группы был сначала переведён из лагеря на поселение, а последние годы мог жить на 101-м километре от Ленинграда – в Великом Новгороде. Похоронен на Петровском кладбище в Новгороде неподалёку от могилы еп. Макария (Опоцкого).

Если постоянно менять ориентиры, нравственное сознание может просто заблудиться

Интервью с профессором Сергеем Сергеевичем Хоружим

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Что, на Ваш взгляд, лежит в основе тех изменений этики, которые Вы связываете с нашей современной посттоталитарной реальностью?

Мне приходилось уже писать о реконструкции того, как менялась этика русского человека на протяжении XX века и не только. Я уже давно занимаюсь такой темой как реконструкция эволюции не только этического, а вообще русского общественного сознания с давних времён. Несколько раз мне приходилось читать лекционный курс под условным названием «Эволюция русского сознания от Владимира Святого до Владимира Путина».

В рамках этой большой эволюции через все эпохи я доходил до нашего времени, и в последние годы здесь была намечена какая-то общая методология. Как вы, наверное, знаете, у меня есть своя общая антропологическая концепция – «Синергичная антропология». В её рамках есть определённый способ описания процесса развития культурно-

цивилизационного организма. И я прослеживаю его от начала русской истории, от принятия христианства, вводя свой аппарат понятий, главное из которых – духовная традиция, которую хранит и передаёт сообщество. Полномерное, полноеохватное развитие, конечно, формируется и управляется не одной только духовной традицией, а некоторым собранием традиций. Все мы понимаем, что разных видов традиций – народных, культовых и т. д. – достаточно много. Я выделяю ведущие, базовые традиции, которые определяют процесс развития, – духовную и культурную. Они могут быть в согласии друг с другом, а могут быть и вне согласия. То, как они взаимодействуют, и определяет динамику развития. Вот это я прослеживаю сквозь все эпохи русской истории и дохожу до наших дней.

Нужно сказать, что духовная традиция обязательно связана с определённой практикой; в православии это православная аскетическая практика, если более конкретно – исихастская.

Мне казалось, об исихастской практике как о чём-то укоренённом в России возможно говорить только после преподобного Сергия...

Нет-нет, это, конечно, не так. Русское христианство и начиналось с исихазма. В сегодняшнем понимании исихазм начинается от самых истоков христианской аскетики и христианского монашества вообще. Самых ранних отцов-пустынников и надо считать отцами-основателями исихазма, а в киевском христианстве, первом русском христианстве, всё начиналось по паттернам, конфигурациям, которые очень определённо повторяли самые ранние, египетские и палестинские. Начатками исихастской литературы были патерики древнего Египта и Палестины и, как мы все знаем, русская литература началась с Киево-Печерского патерика – это один

То, что я называю «регистрацией», – это уже не сплюснутость, а расплюснутость, когда ничего не осталось, кроме одного измерения – способности зафиксировать своё существование, сделать жест жизни, сказать: «Нет, я ещё живу». Вот, я галочку ставлю». Классический пример: Евфросиния Керсновская.

и тот же жанр. Не в точности то же самое, конечно, *mutatis mutandis*¹, но это совершенно неоспоримо духовно параллельные вещи. Поэтому исихазм присутствовал в русской духовности изначально, а эпоха преподобного Сергия, как совершенно справедливо всегда о ней говорят, – это несомненный подъём и расцвет русской аскетической традиции. Но не её зарождение: история была уже до этого.

Были ли в истории нашего государства в противовес тому расцвету, о котором Вы упомянули, такие эпохи, когда происходило такое же масштабное крушение этических норм, как в минувший век? И если да, то каковы были обычно исторические последствия? Можно, наверное, вспомнить период усобиц князей, когда после целования креста и клятвы о дружбе могли заманить к себе брата и выколоть ему глаза, – возможно ли хоть как-то сравнивать это с советской эпохой в смысле этического падения? Ведь многие воспринимали монгольское иго как наказание за ту нравственную порчу, которая существовала прежде него.

В этом случае сравнение было бы антиисторичным. Это абсолютно разные типы, разные эпохи социального сознания и, соответственно, разные этические формации. Немыслимо этические модели XX века проектировать на пещерного человека. Ничего хорошего и разумного из этого не выйдет. В меньшей мере, но то же принципиальнейшее различие, конечно, существует и со средними веками и так далее.

Я просто хочу найти какие-то параллели, подумать об иллюстрации нашего теперешнего положения – оно совершенно исключительно или с ним хоть что-то соотносится? В конце концов, мы можем вспомнить Великую французскую революцию или падение Римской империи, когда римляне как народ перестали существовать...

Это опять разные вещи: никак нельзя исходить из одного слова «катастрофа». Наша тема – это именно антропологическая катастрофа, и подбор

исторических примеров сразу должен это учитывать. Он должен быть весьма осторожным уже потому, что мы лишь поверхностно, недостаточно знаем социальную и социокультурную антропологию древних обществ. Так что подходить с ярлыком «антропологической катастрофы», скажем, к концу Римской империи, может быть, и можно, но нужна большая концептуальная историческая работа, чтобы применить это понятие к совершенно другим культурно-цивилизационным организмам.

В исторической науке только начал происходить так называемый антропологический поворот. История начала смотреть – а что делается с человеком? А до этого, столетия и столетия, когда писали великие авторитеты в области исторической науки, человек абсолютно не был предметом истории. Очень детально разбирались с социальными процессами: практически все документы, по которым писались исторические труды, относились к социальной жизни. Человека же просто не было.

Именно это я и имел в виду, когда говорил, что применительно к этим давним эпохам историческая наука нам не говорит ничего о том, каким был человек, и поэтому мы не можем сказать, была у него катастрофа или нет.

А в каких-то более близких к нам временах... Конечно, мы знаем, что человек уже достаточно вовлекался, рассматривался, исследовался. В Новое время и даже в эпоху Возрождения можно уже действительно говорить о человеке; так что корректно ставить вопрос о том, бывали ли антропологические катастрофы.

В последнее время, когда вот этот, упомянутый мной, антропологический поворот в исторической науке произошёл, тот диапазон, то историческое пространство, на котором уже и антропологический разговор стал возможен, очень расширилось в первую очередь за счёт европейского Средневековья. Тут даже были какие-то вполне конкретные вехи. Большим рубежом в исторической науке стала книга французского историка Ле Руа Ладюри². Название книги – «Монтайю» – это название маленькой

¹ С изменениями, вытекающими из обстоятельств (лат.).

² Эммануэль Ле Руа Ладюри – французский историк, представитель Школы «Анналов», ставящей в центр своих

Свеча, потушенная в пятаки, слабо освещала помещик Яшин, за меняющийся издой. На моих руках, на киске желтой кадки, как ко сича изволявшие мной близки и правды эмиралов Неделкин так много сохранившие для России. Момент был торжественный. «Святого муча» не было и я напечатал явную клевету, маняя кинтих в воду — из лиз, на груди, в палу не лавоника и поощаях бы солдани: пять чествова твои явдет чисты, разам- ясен. При пать твой явдет направден к доки, поступки твои слышат правде. Да дадет воля Твоя Господи! Аминь!»
И олят все отканичель: Аминь! Все явещины, одна за другою, опестились на колени.

Вооружённые командиры... Натасканные на людей, воли лав... И всё это — для того, чтобы повести на работу, юмски подымавал доклады... Несомненно: самым тяжёлым и трудным трудом — трудом рабов... особенно, когда изволялось государство, оно не заинтересовано в сохранении трудоспособности и даже — самой жизни — рабов.

Первое, что я увидела, войдя в 500-й барак, была девушка-инвалидница. Чужая, молодая мать — почти девочка — сидела в узком солдате, зная, дайте поговорить что-то в последний раз! В чужом раз! А грядет старушечье похоронное семейное горю, мучая ублаженного елика, заваривать в одеяле. Приседающие, они откинули, «яки»... ой звычавали — счастье, что и тебя есть слышание... А реи? Вот ребёнок ещё, а выки: мать — только начала разрабатывать свою дачку — 10 лет...

Из альбома-дневника Евфросинии Керсновской, подробно зафиксировавшего жизнь заключённых в советском лагере

деревушки на горных склонах французских Пиренеев. Очень серьёзный крупный историк поставил задачу реконструкции деревенской жизни: кто ходил по деревенским улицам? чем они занимались? что они думали? какие модели поведения у них были? Вот это уже, действительно, обращение к человеку. Так что сейчас, когда мы рассуждаем об этих вещах, пожалуй, и Средневековье тоже можно привлекать. Но, во-первых, я не историк, я философ. И не поручусь за истинность моих суждений об истории и исторической науке, которые я сейчас делаю. В пределах же моей скромной эрудиции на этом «не моём поле», думаю, вопрос именно о катастрофах в таком плане — «у нас сейчас катастрофа, давайте поглядим, какие ещё были» — просто не ставился.

Когда мы говорим о нашей катастрофе, мы говорим не просто о казнях и пытках (которые, если уж мы обращаемся к Средневековью, полтысячелетия назад были не только гораздо более жестокими, но и публичными), но о ломке человека. Мне кажется, именно в этом антропологическая катастрофа.

У нас, уже без всяких исторических параллелей решительно, был определённый конкретный процесс, когда подряд на очень кратком историческом пространстве происходили именно ломки, переломы этического сознания, когда обществу диктовали в одночасье указом от такого-то числа такого-то месяца кардинально сменить свои нравственные представления: вот эти люди были хорошими, а с такого-то числа они становятся плохими. Это и есть тот процесс, тот механизм, который приводит к омертвлению. Если 10 раз подряд тебе будут менять ориентиры с плюса на минус, тебе, разумеется, очень быстро станет без-

исследований не деятельность великих людей, не описание событий, а общество в целом. Сторонники этого направления изучают массовые представления людей той или иной эпохи,

различно, где плюс, где минус. Что и произошло. Чувствительность утратилась, нравственное сознание просто заблудилось и потерялось.

Так же, как память. Семейная память, историческая память — всё стиралось...

Да, сейчас, я боюсь, похожие процессы ломки происходят уже не только с этическим, а с историческим сознанием, с представлениями о том, а что же действительно было в те или иные эпохи истории. Это тоже меняется резко и не по одному разу. И что отсюда может произойти? Я говорил об утрате нравственного чутья от этих резких ломок. Совершенно аналогично произойдет неминуемо утрата исторического чутья. «А не знаю я, что там на самом деле было!» «А на самом деле вообще ничего не было»... Представления об истории скатываются вот к такому абсолютному релятивизму. Это атрофия исторического чувства вслед за атрофией нравственного.

А дальше маячит уход просто понятия «истина», представления об истине. К этому тоже идёт дело. Совершенно определённо наметилось, что истины нету: «Истина — это то, что нужно нам для нашего благородного дела».

И что происходит в результате с человеком?

Полномерная реализация оказывается для него невозможной. Какие-то измерения убираются. Вопрос, какие и сколько. То, что я называю «регистрацией», — это уже не сплюсненность, а расплюсченность, когда ничего не осталось, кроме одного измерения — способности зафиксировать своё существование, сделать жест жизни, сказать: «Нет, я ещё живу. Вот, я галочку ставлю». Когда пространство сжимается в плоскость, в точку, а ты ещё заявляешь о своём существовании, о своём присутствии. Пом-

смену ценностных установок на протяжении веков, проблему исторической памяти и так далее.

ните, что Рильке говорит о Клее?³ Бывает фиксация в словах. У Клее – в акварелях. И на поверку в этом ещё участвует довольно много от человека. Но на экзистенциальном уровне это только чистый жест присутствия.

Классический пример: Евфросиния Керсновская. Вот человек, который всю эту жуткую жизнь именно занимался регистрацией. Это её установка. Мы просто видим то, что происходит.

Но должен же быть выход! Вы говорите о том, что есть некоторая духовная основа русской традиции. И нам видится, что в ней есть момент общинности. Не случайно и преподобный Сергей, и преподобный Феодосий основывали монашескую жизнь на общежительном Студийском уставе.

Достаточно распространена точка зрения на развитие русской аскетической традиции, говорящая, что её отличие от византийской было именно в большем уклоне к киновиюности, к общежитию. Принято это считать одним из характерных отличий именно русской духовности.

И нам казалось, что как раз такое стремление к общинному устройению – это то, что лежит в основе национального характера.

Этот вопрос естественно возникает. Приходилось об этом говорить, хотя аналитически писать не приходилось.

Но национальный характер – это сугубо историческая категория. В качестве иллюстрации этого мне припоминается очень простой небольшой пассаж из «Августа Четырнадцатого» Солженицына. Он там описывает солдатскую фотографию: группа солдат на привале. Говорит о тех лицах, что на этой фотографии. После чего припечатывает: «С той поры сменился облик нашей нации. И таких лиц уже никогда не найдёт объектив». Это о национальном характере. Вот она, общинность наша: просвистали её.

Я видел конкретные социологические свидетельства. На сегодня уровень взаимного недоверия и разобщённости в России один из самых высоких в мире. Это о русской соборности.

Но, тем не менее, мы-то, члены Преображенского братства, собрались. Вы – интеллектуальная элита в церкви, последователи великого христианского мыслителя Алексея Фёдоровича Лосева – собрались уже много лет назад в братство святителя Алексея Московского. Как бы трудно порой этим братствам ни жилось, не в этом ли надежда?

Когда речь идёт о многомиллионной нации, в ней не может не быть и героев, и храбрецов, и трусов, и подлецов... Речь идёт о миллионах людей – любые персонажи найдутся. Так что разговор на уровне отдельных примеров – это не разговор. Он не доказателен.

Да, мы с вами в самом реальном братстве, настоящем братстве, сообществе. Опровергает это то, что я сказал? Что уровень взаимного недоверия в России один из максимальных в мире на сегодня? Не опровергает.

Но бывает же, что вдруг у сухого дерева появляются – их немного – живые ростки. Значит, дерево ещё может ожить, как старый дуб в «Войне и мире».

Антропология не ботаника. Растительные аналогии красивы в литературе, но порочны в науке. И я не говорю о возможностях дальнейшего. Я говорю в плоскости настоящего.

Все наши труды и усилия основываются на том, что мы всё-таки полагаем: улучшение возможно. Но разговор о нём – отдельный и непростой: для начала надо признать, что оно не может быть просто возвратом «доброе старое». А потом разбираться – думать, улавливать в жизни – каким, в каком облике оно может явиться. И поэтому надо разделять два вида суждений: суждение о том, что имеем, и суждение о том, возможно ли улучшение и как возможно. Нельзя просто сливать эти суждения в одно, без запятой.

Так что для начала извольте зафиксировать, что на сегодня российское общество – это общество взаимного недоверия. Вот когда вы это зафиксируете, тогда начинайте про всё хорошее. **КФ**

Тема преодоления последствий тоталитаризма, возрождения достоинства и внутренней свободы человека будет обсуждаться на фестивальной площадке «Искусство и тоталитаризм», которая пройдёт в рамках фестиваля «Время мира». Если вам интересна эта тема, включайтесь в наш разговор!

³ Райнер Мария Рильке (1875–1926) – один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века. Родился в Праге, писал на немецком языке. Несколько раз приезжал в Россию, в 1920 году писал: «Россия сделала меня таким, каким я стал, внутренне я происхожу именно оттуда, именно она – родина всех моих

инстинктов, мой внутренний исток»; позднее называл своей родиной два места: Богемию и Россию. Пауль Клее (1879–1940) – немецкий и швейцарский художник, график, теоретик искусства, одна из крупнейших фигур европейского авангарда.

Когда люди захотят, они во всём разберутся

Интервью с историком Сергеем Владимировичем Волковым

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Надежды на возрождение русского народа будут наталкиваться в том числе на проблему отсутствия национальной элиты, разрушенной в течение минувшего столетия (что Вы так убедительно показываете в своей книге «Почему РФ – не Россия»). Как Вы думаете, возможно ли если не возрождение, то хотя бы рождение элиты? И какими путями это могло бы происходить?

Я думаю, что питать надежды здесь вполне допустимо, и вот почему. Ещё четверть века назад главной бедой было тотальное невежество, полный отрыв от информации – не только всемирно-исторической, но даже говорящей о прошлом нашей собственной страны. С тех пор произошёл информационный взрыв, и в настоящее время ситуация радикально отличается тем, что информация широко доступна и нет, по крайней мере, принципиальных препятствий к тому, чтобы ею обладать.

В прежнее время даже люди, которые инстинктивно мыслили себя патриотически, государственно, не обладая достаточными знаниями по истории своей страны, просто не могли опереться на фактический материал, реальное знание, понять, что происходит. В настоящее время это вполне возможно. Более того: за последнюю четверть века родилось достаточно много людей, и теперь эти люди, которые мыслят так, как и должны мыслить граждане, государственники, патриоты, имеют возможность и соответствующего информационного обеспечения. Я с удовольствием вижу, что появилась такая молодёжь, которой раньше, ещё 15–20 лет назад, не было. И эти люди, если и когда они займут сколько-то видное положение, изменят ситуацию. Таким образом, возможно, и сложится новая интеллектуальная элита, которая будет адекватна своим задачам. Образ интеллигентного патриота – это, я считаю, совершенно новое явление, которое обязано своим появлением рождению этих детей в последнюю четверть XX века

или чуть ранее. Не будем говорить обо всех, тут и не нужно, чтобы это были все или большинство, должна быть некая критическая масса. И вот эта критическая масса среди молодёжи, как я считаю, есть. Поэтому я с оптимизмом смотрю в будущее. Конечно, всё может быть. Если не будет страны, этим людям негде будет приложить свои потенции. Но при прочих равных условиях теперь это стало хотя бы возможным. Раньше были какие-то отдельные одиночки, которые где-то что-то откуда-то случайно узнавали... Те имена, которые принято сейчас цитировать по любому поводу, вообще не были известны. Помню, когда я в конце восьмидесятых публиковал небольшие кусочки из русских философов – Данилевского, Каткова и прочих, – из руководства газетой никто о них никогда вообще не слышал. И слава Богу, что не слышал, потому что это была газета, которая называлась «Советский патриот»...

Но ведь в сфере того информационного взрыва, о котором Вы говорите, существует жуткое смешение правды и неправды, в том числе каких-

то искажений и подтасовок, каких-то советских штампов, неверной информации. Насколько реально тут подлинное отличить от неподлинного?

Эта мешанина в настоящее время существует главным образом сознательно: намеренно продвигаются конструкты, в которых всё идиотским образом смешано. Но при свободе доступа к информации люди, которые захотят разобраться, разберутся. Потому что на чём основаны эти химеры? Они основаны опять же на неполноте знания. Вот вам говорят, что советская власть непосредственно наследовала исторической России. Ну да, кто не знает, может поверить. Но кто знает... Вы прочитаете то, что сами большевики писали, и всё. Кто элементарно читал хотя бы сами большевистские материалы того времени, уже в это не поверит. То есть это смешение возможно лишь при неполноте информации.

Тем не менее мне известны выпускники исторических факультетов, которые увлечены Троцким, превозносят военный коммунизм. Это тревожит больше всего: знание здесь не всегда помогает.

Убеждения – это несколько другое. Но всё-таки весь этот марксизм сам по себе ненормален, в чём-то античеловечен. И людей, которые будут считать, что это хорошо, всё равно будет не так много. Это не может стать всеобщим убеждением, вот в чём дело-то. При полном невежестве самые чудовищные взгляды могли стать общепринятыми. Сейчас это, на мой взгляд, невозможно, хотя будет всегда большое число людей, которые будут придерживаться самых разных, в том числе и таких взглядов. Это неизбежно. Когда коммунисты говорят, что левой идее тысячи лет – ну да, уголовники всегда были. Где вы видели общество без уголовников? Вопрос в том, насколько это главенствует...

Значит, Вы уверены в возможностях следующего поколения?

В моём поколении – поколении шестидесятипятидесятилетних – нет даже критической массы «несоветских» людей. А поколение тридцатилетних – это совсем другое поколение, даже если оно генетически связано с предыдущим. Это всё равно другие люди, у которых на ногах гирь советских уже нет. И по необходимости, когда их ситуация будет заставлять принимать какие-то решения – они смогут мыслить уже относительно свободно. Я ду-

маю, что со сменой поколения многое изменится, что, собственно, всегда и было. Если мы посмотрим на историю, то многое меняется, когда полностью меняется поколение.

Но эти новые свободные молодые люди мало чувствуют свою связь с исторической Россией. Они скорее существуют в глобальном контексте...

Есть объективные обстоятельства, которые заставляют людей ради их собственных интересов вести себя так или иначе. Например, если мы посмотрим на историю советской власти с высоты птичьего полёта, то увидим, что на протяжении всей этой истории происходил откат от наиболее маразматической составляющей. И каждый раз, когда приходилось отвечать на какие-то вызовы, всё-таки на каждом этапе приходили люди более прагматичные.

Сегодняшние политики, даже если их собственные интересы совпадают с объективными интересами страны, которой управляют, например, во внешней политике, всё равно не могут перешагнуть через некоторую грань, которая означала бы признание неправомочности советской власти. Следующее поколение, оказавшись в аналогичной ситуации, стоя перед аналогичными вызовами, это сделать сможет.

Я всегда верил в конечную победу естественного начала. Если ему не мешать, оно пробьёт себе дорогу. Тенденции на современном Западе ведут его государства к гибели. Рано или поздно этот маразм будет отброшен, так же как была отброшена идея мировой коммунистической революции. Есть реальная жизнь, которая не совместима с глупым доктринёрством.

То есть в каком-то смысле всё стремится к равновесию и исцелению.

Да, если процессу этому не мешать. Что бы люди ни думали, но обстоятельства заставят их действовать, так или иначе. Если у них при этом нет этих советских кандалов, которые в чём-то железно их ограничивают, то они будут, я думаю, вести себя совершенно по-другому. И совершенно естественным образом они обратятся и к традициям исторической России. Потому что, если отбросить обанкротившиеся коммунистические идеи, это их единственная великая государственность, другой нет. Как бы я пессимистично ни смотрел на ближайшее время, в перспективе я оптимист.

Поделиться радостью Воскресения с теми, кто на пороге смерти

Текст и фото Марии Кайковой

Пасха в хосписе

Мы, члены Преображенского содружества малых православных братств, по сложившейся традиции на большие православные праздники идём в гости к пациентам Первого Московского хосписа с концертом. Для того, чтобы всё прошло хорошо, нужно всем собраться и отрепетировать свои выступления, настроить инструменты, да и самим настроиться.

Делиться радостью Пасхи – дело непростое, особенно если рассказывать о настоящей надежде и Христе Воскресшем людям, которых уже нельзя вылечить, но которым ещё можно помочь.

Вот что написал об этом один из участников концерта, выпускник Московской консерватории Стас Малышев:

«Вчера был наш “домашний” концерт в Первом Московском хосписе. Я был там уже второй раз, очень сильные переживания, падающие прямо в самую сердцевину! С первых секунд исполнения как-то вдруг стало ясно, что многие твои исполнительские штучки, “фишки”, наработки *здесь* не работают, они здесь настолько не к месту! Они людям страдающим, тем, кто на пороге смерти, может быть, просто не нужны. И я оставил себя, как смог, таким, какой есть, и музыку. И вот в этот момент произошла встреча и началось общение. Был один мужчина, который страдал сильно, постанывал и даже глаз не открывал и, казалось, даже не воспринимал ничего. Но когда зазвучала музыка, он через какое-то время начал шевелить пальцами, будто играя, и прихлопывать рукой, пытаюсь в такт

Играет Стас Малышев

Во время концерта звучали самые разные песни

Маленькие и большие участники концерта

Накануне подростки пекли и украшали кексы для подарков

попасть. Это потрясающе! Я не перестаю изумляться этому Божьему творению – музыке!!! В какие же глубины человека она способна проникать и жить в нас, обходя все мировые языковые барьеры! Как же это премудро всё сотворено Им! От всего сердца желаю каждому музыканту что-то подобное пережить. Представляете, если бы хотя бы у большинства людей появился такой опыт, насколько бы изменился наш мир?!»

Концерт был разноплановым – средиземно-морские напевы чередовались с повествованием о казаке, ехавшем за Дунай. Звучали духовные пес-

ни калик переходящих под аккомпанемент флейты, пелись пасхальные песнопения на разных языках. И, конечно же, читали стихи, авторы которых – поэты разных времён – единогласно засвидетельствовали, что Христос воскрес. Неотъемлемой частью пасхального концерта в этот раз, как и всегда, было знакомство пациентов хосписа с иконографией Пасхи.

По окончании концертной программы всем зрителям мы подарили вкусные подарки – пасхальные кексы. А пациентов, которые не смогли прийти на концерт, мы навестили в палатах.

Напоследок, во время чаепития, несколько пациентов и персонал попросили нас приходить почаще. **КС**

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Свящ. Георгий Кочетков

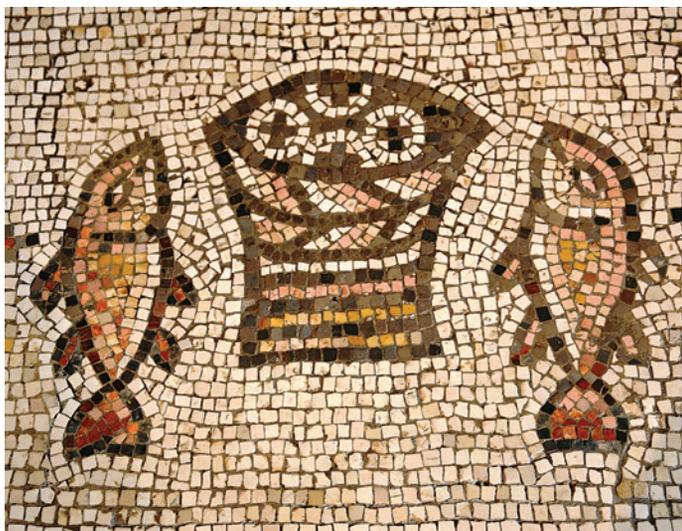
«Катехизис для просвещаемых» – один из ключевых трудов священника Георгия Кочеткова. Он предназначен для оглашаемых второго этапа оглашения, т.е. для тех, кто непосредственно готовится к крещению и началу жизни в церкви. Общая длительность второго этапа оглашения – около восьми недель. Стержнем этого периода является церковное научение через особый цикл встреч – огласительные беседы. Целью бесед является подготовка просвещаемых к чину «отречения и сочетания» с исповеданием церковного Символа веры, а также приготовление их к полноте жизни в церкви. Для достижения этих целей важна определенная систематическая последовательность и целостность огласительных бесед второго этапа. При этом отец Георгий Кочетков сознательно, в соответствии с древней традиционной церковной практикой, избегает догматических формулировок на втором этапе оглашения. В этот период оглашаемые пока еще не участвуют в церковных таинствах и догматика еще не входит в их опыт духовной жизни.

*Книгу можно купить в киоске СФИ:
Москва, ул. Покровка, д. 29
и в интернет-магазине «Предание»:
predanie.org*

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

МИССИЯ ЦЕРКВИ

Христос Своё дело совершил, апостолы вышли в мир и совершили своё дело проповеди, многие из них претерпели жестокие мучения и смерть. Их ученики тоже шли во все края света, который тогда был доступен, и каждому человеку приносили весть: «Ты любим, ты Богом любим! Надейся на Бога, надейся на себя самого – не нагло, не превозносясь, но веря, что если Бог тебя может любить, то всё тебе возможно».

И мы являемся посланниками. В этом смысл миссионерства. Смысл этого слова – «посланничество», и ничего в этом нет как бы профессионального, «технического». Это не должность каких-то людей, специально выбранных для того, чтобы они шли и говорили, проповедовали, это роль каждого верующего. Нам дано знать Бога и идти в мир для того, чтобы весь мир мог Бога познать, мог из безнадёжности, из страха, из мрака выйти в область надежды, в область радости, в область победы, но победы не своей собственной, а Божией победы, которая через верующего льётся во весь мир.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум)